

Тихоня

Автор:

[Джоанн Макгрегор](#)

Тихоня

Джоанн Макгрегор

Все без ума от красавчика Логана Раша, исполнителя главной роли в популярнейшей кинотрилогии. Разве нашлась бы девчонка, не мечтающая о нем? Вот и Роми Морган потеряла голову и была готова на все, чтобы на несколько мгновений оказаться рядом с ним.

Узнав, что на одной из роскошных яхт пройдет вечеринка, на которую приглашен ее кумир, девушка устанавливает за ним слежку. В разгар веселья Логан случайно падает за борт. Роми самоотверженно бросается на помощь и спасает едва не утонувшего парня. Каково же было изумление девушки, когда за спасение знаменитости ей предлагают стать его личной помощницей. Но, к превеликому ужасу Роми, есть одно условие: чтобы не потерять работу, она ни в коем случае не должна влюбиться в Логана. А это будет ох как непросто.

Джоанн Макгрегор

Тихоня

Посвящается всем девушкам,

которых заставили замолчать,

и тем девушкам,

что нашли в себе мужество заговорить

– Если ты возьмешь мой голос, что же у меня останется? – спросила русалочка.

– Твое прелестное лицо, – сказала ей ведьма, – твоя скользкая походка и твои говорящие глаза – этого вполне достаточно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну полно, не бойся: ты высунешь язычок, а я его отрежу в уплату за волшебный напиток.

Ганс Христиан Андерсен «Русалочка», пер. Петра и Анны Ганзен

Joanne Macgregor

Hushed

* * *

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2017. Hushed by Joanne Macgregor

© Ченская Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Охота

Я считаю, что вся штука жизни заключается в том, чтобы понять, чего ты по-настоящему хочешь, и затем стараться изо всех сил добыть это. А тот, кого я хочу больше всего на свете, – Зверь.

Вот почему я здесь, на своем серфборде, опускаюсь и поднимаюсь на легких океанских волнах в холодных водах залива Фолс, на самой краешке юга Африки. Я быстро осмотрелась: не появились ли где акулы? Заниматься серфингом на закате, когда великие белолицы пускаются в обеденный марафон, было безрассудно, – но я тоже охочусь.

И моя добыча прямо передо мной – пребывает на роскошной яхте, что стоит на якоре, ее силуэт четко вырисовывается на фоне бескрайних октябрьских небес цвета коралла. Это высокоскоростная, дорогущая яхта, по меньшей мере двадцать метров длиной, с двухэтажной палубой, а сзади еще привязаны гидроцикл и надувная шлюпка. Два маленьких флага, один южноафриканский, а другой американский, вывешены на флагштоке сзади яхты; их лениво развеивает легкий ветерок.

Стемнеет через двадцать минут. Позади, на берегу, солнце садится за бурый горный хребет Капского полуострова, погружая деревеньку Симонстад, расположившуюся на склоне холма, в тень. Здесь, в океане, последние в этот день лучи летнего солнца сияют через просвет в облаках, окрашивая яхту в золотисто-розовые тона. Если я взгляну на них искоса, повернув голову в сторону, то скопление облаков будет похоже на сердечко. Доброе предзнаменование для охотницы за красавчиками!

Я не посмею приблизиться к яхте, пока не настанет ночь: меньше всего я хочу, чтобы охрана Зверя меня засекала. То, что я – восемнадцатилетняя девушка, заставит их следить за мною только с большим подозрением. Здесь же, скользя по темным волнам в черном гидрокостюме, ближе к берегу, я чувствую себя в безопасности. А еще мой наряд служит некоторой защитой от глубинных хищников, которые могут окружить меня, несмотря на то что это я охочусь за

ним.

На небесах гаснут последние розовые отблески, а грязные пятна облаков, которые и так казались нарисованными углем над немолчными волнами цвета индиго, еще больше темнеют. На яхте зажглись огни. Ожерелье сияющих, как драгоценности, фонариков, висевших на перилах палубы, слабо колебалось, в то время как на носу яхты, на верхней палубе, струнный квартет начал наигрывать один из моих любимых саундтреков. Музыка и смех нестройными волнами неслись над поверхностью океана.

Я подплыла ближе, стараясь держаться в тени со стороны яхты, обращенной к берегу. Приблизившись настолько, что стали слышны голоса и звон бокалов, я подтянулась и села верхом на доску, а ноги остались плескаться в воде. Несмотря на полный гидрокостюм, я мерзла. Но все мои неудобства окупятся, если я увижу его хоть мельком.

Я достала бинокль, сбросила колпачки с окуляров и подогнала увеличение. В фокус попал галстук-бабочка мужчины. Я быстро приподняла бинокль, чтобы увидеть его лицо.

Не он.

Знаменитые и потрясные: сияющая демонстрация усыпанных блестками вечерних нарядов, пышные бюсты с низкими декольте, смокинги, бриллианты и дорогущий маникюр, – толпа заполняла и верхнюю, и нижнюю палубы. Я восхищалась тем, как молодые красотки ухитрялись сохранять равновесие, разгуливая по качающейся палубе на тонких, как стилеты, шпильках. Не думаю, что я могла бы просто устоять на них, не то что расхаживать на таких, даже на суше.

Люди казались экстатически-счастливыми, когда пробовали на вкус закуски и потягивали шампанское через соломинки. У всех были оживленные лица, и их смех лился свободно – я словно увидела сверкающий фрагмент совершенно другого мира. Есть ли что-то, что я бы ни отдала за то, чтобы быть там сейчас, быть частью всего этого? Носить дизайнерские платья, экзотический парфюм и роскошные драгоценности, травить смешные байки, пока я, как и все, ожидаю его?

Очень легко отличить кинозвезду от всех прочих. У нее или у него идеальная фигура и идеальный загар, ослепительно белые и безупречные зубы, волосы безукоризненно окрашены и подстрижены. Я всматривалась в каждое лицо – многие были мне знакомы, – но его я найти не могла.

Неужели мой информатор ошибся?

Зеб, мой лучший друг, который доучивался последний год в старшей школе Тейбл-Маунтейн, как правило, был превосходным и надежным источником сплетен. Но открытое им мне сегодня утром, когда мы болтали по телефону, было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

– Знаешь ли ты, что этой ночью боги и богини снизойдут на землю? – спросил Зеб. – Но они не станут якшаться с простыми смертными, Роми, так что губы не раскатывай.

– Скажи по-человечески, – вздохнула я, хмуро глядя на груды тетрадей и учебников, которыми был завален стол в моей спальне. Последние два итоговых экзамена – биология и химия – подкрадывались все ближе, и мне следовало хорошенько позаниматься.

– Так вот, знаешь ли ты, что за команда сейчас находится в городе: скупает всё, что можно, за местную валюту, проводит съемки на фоне нашей величественной горы, на нашем буром побережье, снимает всяких там смертельно опасных тварей?

– Зеб! Давай выкладывай. – Я вдруг стала слушать его очень внимательно.

– Терпение, женщина, я к этому подхожу. Мне рассказал Лебо, у которого работенка в «Лакшери Чартерз», что они арендовали яхту – одну из массивных, сверкающих, остроносых малюток. И они взяли ее на сегодняшнюю ночь, для вечеринки. Для него – для твоего Зверя.

Я охнула и стиснула в руке телефон.

– Алло? Роми? Ты еще тут?

- Я здесь, - я сглотнула. - Ты считаешь, этому можно верить?

- Я доверяю своим источникам. Лебо сказал, они сняли яхту на ранний вечер и полный вечерний круиз - для «частного празднования».

Звучало правдоподобно. Было как раз тридцать первое октября.

- Это его день рождения, - сообщила я. - Сегодня ему исполняется двадцать. Он Скорпион.

- Верю, что ты в курсе.

- Я пойду. Я скажу предкам, что к тебе в гости, чтобы вместе разобраться в мейозе и митозе.

- Не знаю, что это, но звучит премерзко.

- Просто прикрой меня, если они позвонят, о'кей? Но я непременно пойду.

- Пойдешь? Как? У них полно охраны, чтобы держать таких, как ты, подальше. Ты что, планируешь тайком проникнуть на борт разливать им шампанское?

- Не говори глупостей. Они точно не отправятся далеко. А если и бросят якорь недалеко от берега, я могла бы попробовать доплыть...

- Можно подумать, это не звучит глупо.

- ...может быть, на доске для серфинга. А твой источник сообщил, куда они поплывут?

- Лучше бы я тебе не говорил... давай всё забудем! Я об этом упомянул только потому, что знал, что тебе будет интересно. Но я не думал, что ты станешь его преследовать.

- Где они будут? - потребовала я ответа.

– Ничего хорошего из этого не выйдет. Тебе надо избавиться от этой страсти и сосредоточиться на экзаменах.

– Не заставляй меня заявиться к тебе домой и выбить из тебя ответ! Скажи мне. Сейчас же.

– Ты сумасшедшая, Роми Морган. Честно, иногда ты меня просто пугаешь. Они будут около Симонстада. Ну что, довольна? Вечеринка с пингвинами, судя по всему, – он рассмеялся лающим смехом. – Фильмец будет первый сорт: «Зверь: Черное и Белое». У него будет шанс продемонстрировать актерский прием подражания походке вразвалку.

– Спасибо, я у тебя в долгу. Не знаешь, в котором часу закат?

– Тебе что же, не надо готовиться к экзаменам?

– Мне нужно передохнуть.

– Так передохни и зависни со мной. Или сходи потусить на какую-нибудь другую вечеринку.

– Да-а, ведь у меня сотня предложений.

– Не делай этого, подруга. Ты только будешь еще несчастнее, посмотрев на то, чего у тебя никогда не будет.

– Я хочу просто взглянуть, пока другие влачат жалкое подобие жизни.

– Пфф-ф-ф! Что у них есть такого, чего нет у нас? Я имею в виду, – поправился он, – если не считать, что у них есть слава, несметные состояния и талант?

– У них есть жизнь, – сказала я. – В отличие от нас, они живут жизнью, которая наполнена весельем, и от нее захватывает дух, и они путешествуют и творят волшебство... И у них свобода!

Прежде всего – свобода.

- Ты правда так думаешь?

- Я правда так думаю.

- Ну, делай, как считаешь нужным, только не дай себя арестовать за незаконную слежку или другое правонарушение. И не потеряй ни головы, ни сердца. И, - прибавил он задумчиво, - куска своей плоти: не попадись на зуб акулы.

Легче сказать, чем сделать, подумала я, покачиваясь на волнах яхты в открытом океане в ожидании, когда покажется он.

Кто-то постучал трижды по бокалу, и музыканты быстро доиграли композицию.

- Леди и джентльмены, - послышался звучный женский голос, пробившийся сквозь гул толпы.

Я направила бинокль на говорившую, которая стояла около бара на верхней палубе. Она была взрослая, высокая и выглядела потрясающе в своем струящемся черном платье. Я подозревала, что она не актриса: нос у нее был слишком длинным, а челюсть квадратной, что не отвечает голливудскому представлению о женской красоте, - но я буквально кожей чувствовала по исходившей от нее ауре властности и самоуверенности, что она важная шишка. Когда она повернула голову, чтобы посмотреть назад, я увидела, что над ее правым виском по смелой моде выбрит белыми полосками участок в гуще черных волос.

- Леди и джентльмены, - повторила она, когда все голоса смолкли. - Позвольте представить вам... Зверя!

Громкие приветствия и аплодисменты встретили это объявление, а музыканты грянули музыкальную тему из саундтрека, посвященную Зверю. Вытягивая шею и силясь разглядеть высокую фигуру, которая только что появилась на палубе, я проклинала тех, кто столпился вокруг него, выкрикивая приветствия, хлопая его по спине и своими спинами заслоняя мне вид. Затем толпа расступилась, он вышел из толпы и заговорил:

- Пожалуйста, зовите меня просто Логан.

Глава 2

Солнце, Луна и звезды

Логан Раш стоял на верхней палубе яхты, склонив голову под низко висящим фонарем. Насмешливая улыбка кривила его губы.

Заядлые тусовщики столпились вокруг него – малые планеты вокруг сияющего солнца, – пели: «С днем рожденья тебя!» – и аплодировали. Над головами собравшихся послышалась череда грохочущих, трещащих и свистящих звуков, и все подняли глаза к ночному небу, где расцвели красные ракеты, изумрудные спирали и топазовые каскады. Но я рассматривала только звезду внизу.

Логана Раша открыли для кино субботней ночью четыре года назад: он играл на бас-гитаре, выступая в составе никому не известной группы в дешевом ночном клубе в центре Атланты. В то время студия разыскивала актера-тинейджера, который сыграл бы роль Зверя в экранизации трилогии международного бестселлера. Для всех прочих ролей, включая Бритни Вокс, которой досталась главная женская, уже выбрали исполнителей, а также нашли места для съемок и написали сценарий. Тысячи подающих надежды молодых красавчиков со всей страны проходили кастинг, который отчасти был поиском талантов и отчасти – рекламным трюком, но актер для главной мужской роли, который воплотил бы на голубом экране всеми любимого персонажа популярной книжки, все еще не был найден.

И затем вдруг увидели Логана и привели его на кастинг.

– Мгновенная химия! – ворковала Бритни Вокс на фэйсбуке, в твиттере и E! News.

– Он – настоящий Зверь, – восторженно вторила ей Мэри Е. Е. Стефан, автор трилогии о Звере.

– Хвала Господу, – выдохнули обрадованные продюсеры и лос-анджелесские денежные мешки.

Но у поклонников саги было совсем другое мнение.

– Это невозможно! – визжали они. – Логан Раш – да кто он такой? Мы совсем не таким представляли себе главного героя. Он даже не красавчик!

Одна из самых неистовых противниц этого выбора, девчонка из Кетчума, штат Айдахо, создала сайт NoRush.com и составила петицию, в которой призывала отказать в роли Логану Рашу и провести повторный кастинг. Петиция набрала десятки тысяч подписей, но тут студия схитрила и выпустила несколько рекламных снимков Логана – с бронзовым загаром, небрежной прической и сияющими глазами, – и гневные вопли поклонников сменились восторженными.

– Да идите вы! Он необыкновенный, идеальный, эпичный! Совсем такой, каким мы его представляли, мы такого и хотим. И какой же он красивый!

Идиоты.

Прежде всего скажу, что я на него запала с первого взгляда. В четырнадцать лет мое сердце уже разбиралось в том, кто хорош, а кто не очень. И я не сдаюсь: я все еще подписана на семь фан-сайтов и пять новостных рассылок, посвященных ему.

В трилогии о Звере главный герой – тинейджер по имени Чейз Фальконер – скверно обращается с дикими животными, охотится на них забавы ради и загрязняет природу, пока в один прекрасный день не делает ошибку и не оскорбляет шамана, состоящего в роду, который восходит к самим инкам.

Таинственный знахарь сказал ему:

– Чтобы научиться уважать других, ты должен научиться состраданию. Чтобы научиться состраданию, ты должен научиться ставить себя на место другого. А чтобы уметь поставить себя на место другого, ты должен очутиться в шкуре другого.

Затем он стукнул юношу по голове ритуальной тыквенной бутылкой, и с тех пор Чейз обречен был скитаться по миру оборотнем, что принимает форму свирепых существ, которым грозит вымирание, в битве против браконьеров, охотников,

незаконно захватывающих земли предпринимателей и прочих алчных людей. На своем пути он встречает хорошенькую активистку Ферну Лайтли, которая спасает его из охотничьей ловушки, и между ними вспыхивает межвидовая любовь.

Звучит очень странно, но написано блестяще! И Логан играет роль Чейза Фальконера так, будто рожден для нее. Ха! Я жду не дождусь выхода следующего фильма.

В экранизации первой книги, «Зверь: Солнце», события которой происходят в Индии, герой Логана перевоплощается в тигра с гипнотическим взглядом и устрашающими клыками. Во второй книге, «Зверь: Луна», он становится саблезубым волком, рыскающим в заснеженных лесистых горах Аляски. Теперь он оказался в моем уголке света, в Кейптауне, Южная Африка, и здесь идут съемки последнего фильма трилогии, «Зверь: Звезды», где он перевоплощается в огромную белую акулу, чтобы карать браконьеров за ловлю рыбы на крючковые снасти и обрезание плавников акулам в залитых звездным светом южных океанских водах.

Я едва могу поверить, что он здесь, на вечеринке, прямо напротив меня, – меньше чем в двадцати метрах. И недоступен, словно находится за миллион миль.

Логан взял предложенный бокал шампанского у проходившего мимо официанта, осушил его залпом и сразу же взял второй. Бритни Вокс подошла к нему и начала болтать, возбужденно жестикулируя и встряхивая белокурыми волосами. Она была упакована в сверкающее красное платье, на шее у нее было тяжеленное кольцо, а на спине вырез платья был настолько низким, что стоило ей чуть-чуть наклониться, и все могли бы увидеть ее задницу. Меня бы мучило сильное искушение набросать каких-нибудь орехов прямо в этот вырез, будь я там, рядом с ними. Но конечно же: я-то не с ними.

Высокая женщина с модным выбритым рисунком на голове, которая недавно представляла Зверя, и парочка актеров, что вместе с Логаном снимались в фильме, присоединились к ним и возбужденно заговорили с Логаном. Они постоянно трогали его – то сжимали ему предплечье, возможно, чтобы заострить его внимание на каком-то вопросе, то трепали его по плечу, или трясли его руку, или обвивались вокруг него, позируя для фотографов. Бритни Вокс отцепила что-то от лацкана его смокинга, затем плотно прижалась к нему, чтобы сделать

селфи на свой телефон.

Конечно, это могло быть игрой воображения, но мне показалось, Логан чувствовал себя некомфортно. Его ноги постоянно переступали, словно он отплясывал какой-то странный танец. Слишком часто он отступал, отходил от людей, что вторгались в его личное пространство, – иногда под предлогом поприветствовать кого-то другого или взять еще бокал игристого. Но они ходили за ним по пятам, заполняя каждый свободный клочок пространства, что образовывался, когда он отступал, все время напирала на него – подступали ближе, теснее – каждый раз, когда он отвоевывал себе немножко места. Люди, дайте же ему пространства, чтобы он мог просто дышать!

Мне не было слышно, что говорил Логан, но я плавала вокруг яхты и наблюдала его тустеп «вперед-и-назад». Волны вокруг меня мерцали в свете месяца, и звезд, и отражений цветных фонариков яхты. Тени от волн, что поднимались и опускались, играли со мной злые шутки, принимая формы дорожек на воде от движения большой разбуженной рыбы и острых спинных плавников, а когда большая волна подкатилась под мою доску, я на миг запаниковала, но тут же успокоилась, когда увидела, что та прошла под яхтой. Это просто волны – ни одной акуле не под силу поднять и опустить на воде такое массивное судно.

Некоторые гости завизжали, потеряв равновесие на качающейся яхте. Сам же Логан повалился назад на скамью в углублении борта и пропал из моего поля зрения. Мне стоило бы вернуться на берег: не было смысла оставаться здесь и мерзнуть, если я его больше не увижу. Кроме того, я провела в воде больше часа, и мои руки стали уставать грести и держать бинокль, чтобы наблюдать за толпой, становившейся все разнузданнее.

Я решила подождать еще десять минут, и, если моя добыча больше не появится, я назову это событие «своей ночью». Изумительной, волшебной ночью. Ночью, когда я удалилась на максимальное расстояние от своей маленькой, скучной жизни в маленьком, скучном мирке. Я вздохнула. Завтра мне придется вернуться к книгам и учебе.

С головою, что была переполнена видами и звуками этой ночи, я описала вокруг яхты еще один, последний круг, надеясь еще раз увидеть его перед возвращением домой.

И тут я увидела то, что изменило всё.

Глава 3

Прочь и подальше

Логан Раш карабкался вниз по яхте.

Почти все гости собрались на ярко освещенной верхней палубе, их внимание было приковано к Бритни Вокс, которая вытянулась на краю бара и предлагала порции текилы под одобрителный рев толпы. Но Логан спустился на нижнюю палубу, в темноту и урчание мотора яхты, где короткая стальная лестница вела к надувной спасательной шлюпке и гидроциклу, что плавали в воде, внизу.

Он перекинул одну длинную ногу за борт, нашел для нее точку опоры и стал спускаться по лестнице. Раздалось громкое бум! и придушенное проклятие, когда он ударился головой – сильно ударился, судя по звукам, – о флагшток, торчавший сзади яхты.

Мои руки инстинктивно сжались, словно я могла поймать его, поскольку он висел на лестнице на одной руке и в то же время ногами скреб по ее перекладинам, стараясь уцепиться.

Я быстренько подплыла поближе. В любую минуту он мог потерять равновесие и окунуться в холодный Атлантический океан. Но Логан неуклюже цеплялся за лестницу, упираясь спиной на борт и пятками стоя на перекладине. Одной рукой он закрывал рот, а взгляд обратил вверх, словно затем, чтобы проверить, не смотрит ли кто на него. Казалось, внимание всех было приковано к Бритни, судя по аплодисментам, которые перекрыли громкую музыку на верхней палубе.

– Чш-ш. – Я была достаточно близко, чтобы услышать, что говорит Логан, судя по всему, самому себе. – Чш-ш-ш!

Он приложил палец к губам, будто призывая себя к молчанию, и затем, похоже, что-то вспомнил. Его рука двинулась к жилетному карману, куда он как-то

ухитрился всунуть бутылку шампанского. Будучи не в состоянии вытянуть ее, он поднял весь жилет так, чтобы жилетный карман оказался повыше, сумел запрокинуть бутылку вверх дном и отхлебнул шампанского из горла. Когда его голова запрокинулась назад, Логан опасно покачнулся, и в течение нескольких секунд казалось, что он вновь потеряет равновесие. Затем осторожными, обдуманно шагами он начал спускаться по оставшимся ступеням лестницы, пока не замер на последней. Закрыв и открыв глаза, словно пытался сфокусировать взгляд, Логан уставился на надувную шлюпку, что покачивалась на волнах, и несколько раз сильно потряс головой. Должно быть, она все еще ныла после удара, так как он потер себе лоб и простонал что-то, прежде чем повернуться к гидроциклу.

Решительно кивнув себе самому, он прыгнул на гидроцикл, вскарабкался на него, как пьяная мартышка, уцепился за руль и тяжело плюхнулся на сиденье задом наперед. Миг спустя тень глубокого замешательства промелькнула на его лице.

– Эй! – громко запротестовал он. Мои глаза изумленно расширились, а он вновь приложил палец к губам. – Чш-ш, чш-ш, чш-ш-ш!

Я хихикнула, но не думаю, что он меня слышал, поскольку, несмотря на то что голова его была запрокинута, смотрел-то он назад – через плечо, на яхту, проверяя.

– Вот так! – воскликнул он, хватаясь за руль и приборную панель позади себя.

В то время, пока он пытался справиться со своими конечностями, чтобы развернуться кругом на водительском месте, я постаралась подплыть сбоку, чтобы видеть его лицо. Он казался очень довольным собою, пока его рука не двинулась к зажиганию и не пощупала место, где должны были торчать ключи, но их там не оказалось. Логан обшарил весь гидроцикл сверху донизу, ощупал все борта и сиденья, проверил свои карманы, где снова нашел шампанское, и утешился тем, что отхлебнул изрядную порцию.

– Нету! – произнес он мрачно, плюхаясь обратно на сиденье. Но вдруг его лицо просветлело, когда в поле его зрения вновь попала надувная лодка. Он сразу же перекинул обе ноги в сторону, собираясь спрыгнуть с гидроцикла.

Ого.

Когда он поднялся во весь рост, гидроцикл накренился вбок, и он бросился головой вперед в надувную лодку, промочив ноги.

С многочисленными ругательствами и шипениями он запихнул себя в надувную лодку и шумно плюхнулся на одну из скамеек. Логан потратил несколько минут на то, чтобы снять туфли и мокрые носки, потом запихнул носки в туфли, бессвязно бормоча все это время. Я наблюдала за ним, но мое восхищение сменилось беспокойством, когда он отвязал веревку, что держала лодку на привязи у яхты, и та стала отплывать от большого судна.

Я не знала, что мне делать. Он не выглядел достаточно трезвым, чтобы справиться с управлением, – он все еще прижимал к груди носки и туфли, черт возьми! Должна ли я побеспокоить кого-нибудь из присутствующих на яхте? Тех самых, от которых он так отчаянно желал сбежать; тех самых, которые сейчас пели во всю глотку: «Сбрось с себя все! Сбрось с себя все!»

Может, мне следует подплыть поближе и предложить ему помощь? Я могла, я умела управлять надувной лодкой. Я соврала себе, что взвешиваю варианты, пока плыла вперед, сокращая дистанцию между нами.

– Ага! – радостно воскликнул Логан на своем качающемся насесте.

Он наклонился вниз и потянул за пусковой трос. Лодочный мотор взревел, и лодка прыгнула вперед, отбросив его назад.

– Ох, дерьмо!

Ругательство принадлежало мне.

Ясно, как день, что тот идиот, что пользовался лодкой последним, не выключил мотор правильно, а лишь приглушил, и теперь лодка пошла напрямиком в открытый океан, унося Логана Раша, который валялся на ее дне. Она двигалась медленно – слава богу, дроссель он еще не нашел, – но все-таки не было шансов, чтобы я могла догнать лодку на своей доске.

Я уже собиралась плыть к яхте, чтобы позвать на помощь, когда краем глаза заметила, что голова Логана показалась над бортом лодки. Должно быть, он поднялся на четвереньки, чтобы доползти до мотора.

- Выключатель! - заорала я. - Потяни за выключатель!

Но либо он не слышал меня, либо не знал, что я имею в виду, поскольку, вместо того чтобы остановиться, лодка стала делать резкие круги, отбрасывая от себя фонтаны воды, кружась вокруг своей оси. Видно, он толкнул руль.

Я встала во весь рост на своей доске для серфинга, крича и махая рукой, чтобы привлечь его внимание. Логан, нетвердо держась на ногах, поднялся в лодке.

- Нет! Не вставай! - орала я.

Несколько секунд он держался на ногах, качаясь из стороны в сторону, затем, когда лодка налетела на большую волну, его шатнуло в сторону, он перевалился за борт в дальней от меня стороне и пропал в черной воде.

Замерев от ужаса, я стояла и глазела на все еще вращающуюся лодку, высматривая какие-либо следы Логана, ожидая, что в любой момент его голова вынырнет из воды. Но все, что я видела, - это вспененная вода, струившаяся вокруг лодки.

Я рванула застежку Velcro со своей щиколотки, освободилась от доски для серфинга и нырнула в холодную воду. Я была всего в пятидесяти метрах от лодки, и, учитывая панику, что гнала меня вперед, мне не стоило труда преодолеть разделявшее нас расстояние.

Плывя, я напряженно всматривалась вокруг себя и заметила, как в темноте мелькнуло что-то белое. Лицо Логана. Подплыв ближе, я увидела, что одной рукой он запутался в веревках, свисавших с борта надувной лодки, и та, нарезая круги, таскала его за собой.

Последние несколько гребков я сделала очень осторожно, чтобы избежать лопастей лодочного мотора. С силой оттолкнувшись, я выпрыгнула из воды и втащила себя в лодку, прыгнула к мотору и переключила его на нейтральную

передачу. Лодка пошла на малом ходу по вспененной воде. Я взглянула вниз с борта лодки и заглянула прямо в изумленное лицо Логана Раша.

- Ох, - сказал он, кашляя и выплевывая воду. - Приветик.

- Эм, привет, - все, что я смогла придумать, чтобы ответить ему в этот самый изумительный, самый чудесный момент в моей жизни.

- Что случилось?

- Ты вывалился из лодки. Нам нужно втащить тебя обратно.

- Я застрял, - сказал он, разглядывая свою правую руку, опутанную веревками.

- Ну-ка, позволь мне.

Часть моего сознания была сосредоточена на том, чтобы освободить его руку, другая часть была вне себя от счастья, так как я и впрямь прикасалась к самому Логану Рашу. На один краткий миг мы даже подержались за руки - ну, в некотором роде.

- Так-то лучше, - сказал он, потирая запястье.

- Нет, вовсе нет, - пробормотала я, потому что без веревок Логан Раш опять начал тонуть.

Глава 4

Логан теряет туфли

Я отчаянно уцепилась за тонущее тело и смогла захватить полную пригоршню его волос - совсем не так я мечтала прикоснуться к этим сексапильным завиткам, - и вытянула его обратно на поверхность.

– Ой, – сказал он, икая и глядя на меня с оскорбленным видом, – больно. Это не парик, знаешь ли!

– Извини, – ответила я, кладя его руку обратно и снова привязывая веревками к борту лодки, – но ты тонул в океане. И даже не пытался плыть.

– Да, – отвечал он, – это акула.

– Где? – Я стала всматриваться в волны изо всех сил, пытаюсь разглядеть там темный полумесяц спинного плавника.

– Не здесь. На зеленом экране. Это акула в фильме плавает. А вовсе не я, – сказал он тоном человека, делающего грустное признание.

– Ты пытаешься сказать мне, что не умеешь плавать?

– Ага.

– Даже немножко не умеешь?

– Ага, – он помотал головой из стороны в сторону, словно размышляя над хитроумным вопросом. – Может, совсем чуть-чуть... не, не очень-то умею, – сказал он и затем добавил: – Скорее, не умею вообще.

– И ты собирався отплыть от берега, не умея ни плавать, ни управлять лодкой?

– Так много вещей, которые я не умею делать, – ответил он и начал икать опять. – Извини.

– Давай затащим тебя в лодку.

Я вытянула руку, и он за нее схватился. Стараясь не давать воли мыслям о том, что я сжимаю замерзшую руку Логана Раша, я стала тянуть изо всех сил и втащила его в лодку. Я тряслась на скамейке ближе всего к мотору, в то время как он лег на дно лодки, босоногий, скрючившись, дрожа от холода и тяжело дыша.

Откинув волосы с глаз, он высмотрел свои туфли и носки.

- Вот вы где! - воскликнул он, схватив их, и аккуратно поставил туфли по прямой линии на самый верх надувной лодки - явно для того, чтобы как можно удобнее было любоваться ими.

- Эти туфли и носки - мои, - сказал он с гордостью.

- Они очень красивые, - сказала я, и он улыбнулся.

Божечки, его улыбка!

- Э-э. - Прошла долгая минута, прежде чем я собралась с мыслями. - Слушай, надо вернуть тебя на твою вечеринку.

- Нет! - Он с мятежным видом покачал головой и затем застонал. - Ты ранила меня в голову, потянув за волосы.

- Я не ранила твою голову. Это был ты сам - ты стукнулся головой о флагшток, когда спускался по лестнице, - я указала на яхту.

- Я вправду стукнулся?

- Да, ты стукнулся. Что ты пытался сделать вообще?

Он поразмыслил несколько секунд, чтобы ответить одно:

- Сбежать!

- Сбежать?

- Не вернись назад, - сказал он и осторожно кивнул. - Скажи, почему все вокруг колышется?

- Потому что мы на лодке в центре чертова океана.

– Правда. О'кей. Ну, по крайней мере, мы можем выпить. У меня тут с собой бутылка.

Он тянул и тащил бутылку, застрявшую в его жилетном кармане, пока не извлек ее наконец, и уже поднес ее было к губам, как вдруг, похоже, вспомнил о манерах и решил предложить выпить сначала мне.

– Нет уж, спасибо. – Хотя мне было больно при мысли, что я отказалась от шанса прикоснуться губами к вещи, которой касались его губы, я сообразила, что в бутылке сейчас больше соленой воды, чем выпивки. – Мне кажется, тебе тоже не стоит это пить.

Он отмахнулся от моего совета, сделав изящный жест, и отхлебнул из бутылки. Через секунду он все выплюнул и закашлялся.

– Отвратительный вкус! Просто жуть. Это ты, что ли, его испортила?

– Да нет же, ты сам! Ты свалился в океан, и соленая вода... – начала я, но не было никакого смысла ему что-то объяснять.

Логан Раш, кумир подростков и необыкновенно талантливый исполнитель главной роли в популярнейших фильмах, был сильно и безнадежно пьян.

– Не могу пить эту дрянь. – Фыркнув с отвращением, Логан отпихнул от себя шампанское и затем посмотрел на меня с надеждой: – Слушай, а ты, случайно, не прихватила тоже с собой бутылку?

– Я нет, а вот на яхте выпивки полным-полно. Давай я отвезу тебя обратно?

– Нет. – Он скрестил руки на груди. – Я туда не хочу. И ты меня не заставишь.

– Но они же будут волноваться – они поднимут тревогу, поставят на уши НМСИ[1] – НМСИ (англ. National Sea Rescue Institute of South Africa, NSRI) – Национальный Морской Спасательный Институт, Морская служба спасения.].

– Кто такая эта Эн-Эмси?

– Морская служба спасения. Давай вернемся назад, о'кей? – Я взялась за румпель.

– Нет. Я же только что смылся оттуда! Сказал им, что у меня мигрень и что мне нужно побыть в своей каюте. А там я оставил записку: «Решил отдохнуть, увидимся в Кейптауне!» Я поступил очень ответственно.

– Но...

– Если ты попытаешься вернуть меня к этим пираньям, я выброшусь в море!

– Ну, ведь мы же не можем провести здесь всю ночь.

– Почему нет? Это приятно – побыть с хорошенькой девушкой, – если ты не против, что я тебя так называю. Так уютно.

Логан Раш только что назвал меня хорошенькой. Я еле удержалась, чтобы не завизжать от радости, но кое-как заставила себя говорить деловым тоном:

– Уютно? Тут совсем не уютно. Здесь холодно, а мы мокрые. Мы не можем здесь оставаться.

И тут на меня снизошло вдохновение.

– Кстати, знаешь, где бы мы могли достать больше шампанского?

– Хорошую выпивку? Без соленой воды?

– Ага, очень хорошую выпивку – лучшую.

– Где?

– Там, – я указала на берег, где далекие огни симонстадского порта служили ярким маяком.

– Поплыли тогда!

– По рукам.

Нежно повернув румпель, я завела мотор и повела лодку обратно к тому месту, где оставила свою доску для серфинга. Я втянула ее на борт и бросила на задние скамейки резким движением.

– Просто пообещай мне одно: если меня арестуют за похищение, ты вытащишь меня из тюрьмы, – сказала я.

– Это не похищение, – сказал он обиженно. – Я никуда тебя не везу. Это ты ведешь лодку.

– Чертовски верно.

Я повернула лодку в сторону маленькой пристани и прибавила скорость. Два легких всплеска сообщили о том, что туфли Логана отказались ехать на сушу, но я ни слова ему не сказала. Кажется, он слишком любит эти туфли, но я ни за что не стала бы возвращаться и нырять за ними.

Мы добрались до гавани Симонстада очень быстро: у лодки оказался сильный мотор, да и до берега было не очень далеко.

Во время нашего заплыва в сторону суши – предельно скоростного, с подпрыгиваниями заплыва – мой пассажир сидел на скамейке напротив меня, улыбаясь и мурлыкая себе под нос что-то похожее на «Row, row, row your boat»[2 – «Row, row, row your boat» – популярная английская детская песенка.]. Когда мы наскочили на одну очень большую волну, он слетел со своего места, но сумел остаться в лодке.

– А где моя обувь? – заорал он, пытаюсь перекричать рев мотора и глядя на свои босые ступни в ужасе.

Я показала пальцем на шумный лодочный мотор, затем – на свои уши и покачала головой, делая вид, что я ничего не поняла.

Ветер освежал мое лицо, и я чувствовала возбуждение оттого, что лодка идет на максимальной скорости, и радостный трепет, потому что Логан со мною.

Темная вода казалась серебряной из-за света звезд и фосфоресцирующего планктона. По идее, это должно было выглядеть весьма романтично: в конце концов, я оказалась наедине с бесспорно самым красивым и желанным мужчиной в голливудской галактике, полной звезд, но Логан Раш отнюдь не собирался вести себя как романтический главный герой.

Он то принимался жаловаться на то, что у него мерзнут ноги, то шарил всюду в поисках своих туфель: рылся на дне лодки и заглядывал под мою доску для серфинга.

Логан согнулся в три погибели, чтобы поискать под скамейками лодки, и вытащил на свет божий темный пакет, из которого извлек короткий белый водонепроницаемый плащ – какие обычно кладут под сиденья в спасательных шлюпках. Когда Логан вытряхнул его из пакета, порыв ветра вырвал плащ у него из рук, и тот улетел назад в ночь, словно гигантская призрачная летучая мышь.

Я немедленно повернула дроссель назад и развернула лодку. Туфли, скорее всего, опустились на дно океана, где они будут медленно разлагаться (исключая подошвы), но полиэтилен – совершенно другое дело.

Я заметила плащ, который плавал в темной воде, бугрясь белесыми складками.

– Достанешь его, ладно? – обратилась я к Логану, когда мы поравнялись с плащом. – И больше его не упускай.

– Почему мы спасаем... эту штуку? – спросил он, втягивая на борт мокрый плащ, с которого лилась вода.

– Мы не эту штуку спасаем. Мы спасаем рыб, и черепах, и морских птиц.

Логан нахмурился, явно сбитый с толку.

– Морские существа едят полиэтилен, они думают, что это медузы, – затем они задыхаются или отравляются и умирают. Океану, – объясняла я, – ни в коем случае не надо загрязняться новыми кусками полиэтилена.

– Не надо, – медленно кивнул он. – А знаешь, что надо мне?

- Да! угадаю: еще шампанского?

- Да! - Он широко улыбнулся мне в ответ. - А еще обувь.

Мы приблизились к берегу, и в ярких огнях маленькой пристани я увидела кое-что, заставившее меня понять: наша высадка на берег не будет ни легкой, ни незаметной.

- Думаю, тебе надо накинуть на себя плащ, - поищи-ка, есть ли там сухой, - скомандовала я, обращаясь к нему.

- Почему?

- Потому что ты замерз. Кроме того, ты можешь захотеть остаться незамеченным.

Логан посмотрел на берег и остановил взгляд на маленькой толпе женщин и девушек, ведущих себя очень шумно, - это было слышно даже с большого расстояния, - которые толпились на главном пирсе, тянувшемся от ресторанчиков на побережье в сторону маленькой гавани. Я явно не была единственной поклонницей, которая проведала о сегодняшней вечеринке. Скорее всего, они весь вечер писали об этом твиты, снабжая каждый хештегом #впоискахраша, оставляли комментарии в группах в ватсапе, собирая на обсуждение поклонников со всего Капского полуострова.

На лице Логана появилось выражение загнанного животного.

- Подозреваю, ты хочешь избежать встречи с этой толпой? - уточнила я.

Он кивнул.

- Ну, о'кей. Найди другой плащ и надень. Накинь капюшон, чтобы скрыть лицо. Я попытаюсь их обмануть и высадиться с другой стороны.

Он послушно нырнул под сиденье, вытащил еще один пакет, развернул и надел на себя шуршащий плащ. Я замедлила ход лодки и повела ее прочь от пирса и

бетонного стапеля, огибая шлюпочную гавань, где пришвартовано было великое множество яхт и моторных лодок.

В самом дальнем конце гавани небольшая песчаная коса сформировала естественную бухту между чахлыми великовозрастными кустарниками и деревцами. Местные хорошо знали это местечко и часто пользовались этой бухтой, чтобы спустить на воду свои каноэ, но этой ночью здесь было темно и безлюдно, и гогочущие, как гусыни, девушки явно не подозревали о ее существовании. А еще это место было как раз рядом с парковкой, где я оставила свою машину, так что бухта оказалась просто идеальным местом для бегства.

- Держись крепче, - сказала я и в последний раз прибавила скорость.

Глава 5

За нами гонятся

Я повернула выключатель и заглушила мотор, когда лодка влетела в маленькую песчаную бухту, - мы тут же, трясясь, остановились. Вместе мы вытащили лодку на берег так далеко по песку, как смогли, и я привязала ее к стволу чахлого деревца, что во множестве тут росли.

- Смотри - пингвины!

Логан присел на корточки, указывая на двух африканских пингвинов, которые угнездились в ямке под низкорослым кустом. Один из них, - может быть, более любопытный или более энергичный по части защиты своего местечка, чем его приятель, - выступил вперед и яростно замотал головой.

Я люблю этих птиц ростом мне по колено, которые гнездятся по всему Симонстаду, а порой - даже в садах у людей. Обладатели белой грудки, острого черного клюва и белых пятен вокруг глаз, они - самые большие щеголи из всех морских существ, которые мне так нравятся, поэтому не удивительно, что Логан был очарован, увидев их так близко в первый раз. Но они - отнюдь не домашние птицы, поэтому, когда Логан потянулся, чтобы погладить одного из них, я

быстро оттолкнула его руку в сторону.

- Не прикасайся! Они милые, но дикие. И пьют кровь, когда клюются.

Словно по команде, пингвин замахал крыльями, вытянул шею, широко раскрыл клюв и испустил череду громких ревущих звуков, заставив Логана опрокинуться на спину от удивления.

Он рассмеялся, и его смех был таким же чудесным, как его улыбка.

- Похоже на ослиный рев! - сказал он.

- Вот почему их иногда называют ослиными пингвинами. Идем, нам сюда.

Я потянула его за руку в направлении небольшого холма позади зарослей кустов, понимая, что я продолжаю выискивать причины, чтобы брать его за руку.

- А что насчет моих туфель?

- Что было у тебя с этими проклятыми туфлями? Забудь о них! Они потерялись. Их больше нет. Они перестали существовать.

Я подвела его к месту, где была припаркована моя однодверная машина. Логан тащился позади меня, шипя от боли всякий раз, когда наступал на острый камень или сучок. Он явно очень хороший актер, ибо в реальной жизни - насколько я могла видеть - он отнюдь не был тем храбрым мачо, которого изображал на экране.

Когда мы дошли до моего автомобиля, я установила свою доску на специальную подставку на крыше.

- Там, на заднике, есть полотенце, - сказала я Логану, кинув ему ключи от машины и отвернувшись, чтобы закрепить доску.

- Что такое «задник»?

Он кружил на месте, пристально всматриваясь в землю, посчитав, видно, что раз есть задник – должна быть и обувь. Опять.

– Багажник! Это багажник машины, – перевела я ему.

– А-а.

Пока он вытирался, я шарила у себя за спиной, пытаюсь нащупать застежку гидрокостюма. Несомненно, миллионы девушек мечтали о том, чтобы сбросить с себя одежду перед Логаном Рашем, но я чувствовала скорее смущение, нежели возбуждение. Если бы я могла выбирать, в каком виде мне показаться перед ним, я бы предпочла выглядеть хоть самую чуточку так, как те богини на яхте: в элегантном платье, и чтобы мои каштановые, до плеч волосы были завиты в гладкие, сияющие локоны, а на моем овальном лице был бы нежный, но профессионально нанесенный макияж, который максимально увеличил бы мои губы, про которые я и так знаю, что они соблазнительно пухлые, и подчеркивал мои глаза, которые довольно-таки красивые, золотисто-карего цвета.

Вместо этого я стою перед ним в неприглядном гидрокостюме, мои мокрые волосы свисают, словно крысиные хвостики, с которых непрерывно капает вода, а на моем лице нет и следа макияжа. По крайней мере, на парковке тусклое освещение, что маскирует детали моего облика.

Босоногий, в мокром смокинге и полиэтиленовом мягком плаще Логан выглядит глупо. Глупо и прелестно.

Когда я начала снимать с себя гидрокостюм, то поймала на себе его подозрительный взгляд.

– Эм-м... – Он стал тереть волосы полотенцем, позволив отдельным прядям упасть на глаза.

До меня дошло: он решил, что я собираюсь устроить перед ним стриптиз. Я читала репортажи о девушках, нагих, словно сойки, что поджидали его в мужских туалетах ресторанов и отелей, или задирали перед ним футболки, чтобы показать ему голую грудь, пока он шел по красной дорожке. Наверно, он подумал, что я планирую раздеться догола и броситься на него, как стервятница.

– Все хорошо, я в бикини-костюме, видишь? – успокоила я его, стаскивая с себя тугий черный гидрокостюм.

– Я вижу.

Он окинул меня взглядом и медленно, одобрительно улыбнулся. Надеюсь, что в тусклом свете парковки не видно моего румянца – я чувствовала по загоревшимся щекам, что к ним прилила кровь, – я повернулась, чтобы достать свою одежду из сумки в машине.

– Ты так и собираешься ехать в этом плаще? – спросила я, затягивая волосы в тугий пучок.

– О! – Logan удивился, обнаружив себя все еще в плаще.

К тому моменту, когда он освободился от этого полиэтиленового мешка, я натянула на себя джинсы и футболку.

– «Акулы делают это плавниками», – прочел он надпись на моей футболке.

– Нам нужно сматываться отсюда.

– Тебе нравятся акулы?

– Еще как.

– Я – акула. В фильме.

– Да, я знаю, что ты акула. И нам нужно доставить тебя обратно в отель, чтобы завтра ты мог продолжить сниматься. – Я присела на корточки, чтобы завязать шнурки на теннисных туфлях.

– А у тебя обувь есть, – произнес он жалобно.

– Так, где твой отель?

На Капском полуострове ступить некуда между роскошными отелями, где могла бы остановиться такая звезда, как Логан Раш.

– Я не знаю. Я не знаю, где они. Минуту назад были здесь, а потом – бах, и нету! Исчезли.

– Кто? – спросила я, совершенно сбита с толку.

– Мои туфли.

– Ох, во имя всех святых! Забирайся в машину, – приказала я, но он по-прежнему стоял, привалившись к дверце машины, подняв одну ногу, и явно желал продолжать спор.

– Что насчет моих...

Пронзительные крики взорвали тишину ночи. У меня волосы встали дыбом от этих сверхъестественных звуков. Логан тоже замер, прямо с задранной вверх ногой, словно мастер кунг-фу, отрабатывающий убийственный удар.

Крики становились громче. Приближались.

– Спаси меня, – голос Логана стал нежным, молящим стоном. Он глазел на что-то через плечо, его глаза округлились от ужаса.

Я взглянула назад. Группа девушек бежала через парковку прямо к нам. На их лицах было дикое ликование. Их нечленораздельный визг был боевым кличем приближающейся армии чокнутых мародеров. Меньше чем через минуту они окружат Логана.

– Пожалуйста, спаси меня, – прошептал он одними губами. – Они меня порвут.

Я с силой захлопнула багажник, бегом обогнула машину и запрыгнула на водительское сиденье. Как только Логан забрался внутрь, я заблокировала все двери. Как раз вовремя. Толпа фанатов нахлынула на машину, люди метались вокруг, и мы утонули в море корчащихся, визжащих поклонников Раша.

Они прижимали смартфоны и камеры к окнам машины и ослепили меня белыми вспышками. Слезы ручьями текли по лицу женщины средних лет, которая что есть силы прижималась лицом к окну. Возле нее, и с моей стороны тоже, девушки, – с ними и пара парней, как я теперь видела, – дрались за возможность протолкнуться поближе и увидеть его. Некоторые протягивали листки бумаги и фотографии вместе с открытыми маркерами.

Даже несмотря на то, что Логан замотал голову полотенцем так, чтобы ничего не видеть, несколько фанатов упорно трясли в воздухе плакатами.

Я ? тебя, Чейз!

Будь моим Зверем!

Я люблю Чейза, и я люблю Раша!

Укуси меня – я знаю, что это больно!

Одна девушка в шортах и крохотном розовом топе, сжимая в руках рукописный плакат, забралась на капот машины.

– Эй! – заорала я, нажимая на клаксон и тыкая пальцем в ее сторону.

Но она смотрела только на Логана. Она, словно леопард, подползла к лобовому стеклу машины с его стороны и вытянула ногу перед собою. Ее нога была зажата в острых зубьях весьма реалистично выглядевшей копии охотничьей ловушки. По крайней мере, я надеялась, что она ненастоящая и что кровь, струившаяся по ее ноге, тоже. Она прижала к стеклу свой плакат прямо напротив Логана.

Я подпрыгнула на месте, когда она ударила плакатом по лобовому стеклу, и Логан поднял голову. Полотенце свалилось с него, открывая лицо, и крики толпы стали просто невыносимыми. Шевеля губами, он беззвучно прочел надпись: «Я хочу от тебя зверят!!!»

Девушка указала на плакат драматическим жестом, затем на свою ногу и после – на Логана.

Он ужасно выругался и закрыл лицо руками.

– Поехали – сейчас же! Прошу! – умолял он.

Я пошарила в бардачке в поисках очков, в которых нуждалась, чтобы вести машину, и нацепила их. Мои руки дрожали. Несколько секунд ушло на то, чтобы попасть ключом в замок зажигания, а фанаты начали раскачивать машину и громко скандировать: «Ло-ган! Ло-ган! Ло-ган!»

Я завела мотор и стала сдавать назад так медленно и осторожно, как только могла. Будет чудом, если нам удастся выехать отсюда, никого не задавив. Девушка на капоте раскинула руки, стараясь удержаться на машине. Я включила дворники, чтобы очистить ветровое стекло, еще раз просигналила и осторожно двинула машину вперед. Фанаты Раша почувствовали наш неизбежный отъезд, и истерические вопли зазвучали оглушительным крещендо.

Некоторые фанаты отпрянули от машины и побежали по парковке в разных направлениях, несомненно – к своим машинам. Когда мы выехали на дорогу, девушка на капоте наконец слетела с него в сторону и приземлилась на грудку мусора на мостовой. Я посмотрела в зеркало заднего вида: мы быстро удалялись, а она стояла на дороге, сжимая в руках цепь от своей ловушки и протягивая ее нам вслед мелодраматическим молящим жестом.

– Вот так, – сказала я, когда мы выехали на главную дорогу к Симонстаду. – Где ты остановился?

– В отеле, – ответил он, широко зевнув.

– Ага, об этом я и сама догадалась. В каком именно?

Он пожал плечами.

– А черт его знает, как он называется. Меня туда забрасывают каждый вечер, а утром забирают.

- Ты знаешь, где он находится?

- В Кейптауне.

- Это сужает поиск.

Да, сужает - до нескольких сотен отелей.

Я ехала к Кейптауну, выбрав проселочную дорогу, что шла через природный заповедник Кейп-Пойнт. Обычно я никогда не езжу этим маршрутом после наступления темноты: дороги, которые вьются серпантинном вокруг обрывистых скал, выступающих прямо над океаном, днем дают возможность полюбоваться восхитительными видами, но ночью могут оказаться опасными, особенно если павианы решат порезвиться прямо на проезжей части.

Я надеялась, что езда по такой тропке охладит пыл фанатов, поскольку, как я и ожидала, длинный крокодиловый хвост из машин тянулся за нами неотступно. Мы оторвались от нескольких из них, когда миновали последние дома и гостиничные комплексы, выстроенные на побережье, но семь-восемь машин с настырными фанатами по-прежнему нас преследовали. Хуже только, если среди фанатов Логана обнаружатся мужчины средних лет с очень дорогими фото- и видеокамерами, какие, кажется, сидели в первой машине на хвосте: они были отнюдь не фанатами, а папарацци.

- Это словно охота на джипах, - сказала я. - Только она, типа, медленная. И никто не стреляет, и аварии ни одной не произошло.

- Пока не произошло, - сказал Логан мрачно.

Он немного сполз по сиденью, устраиваясь поудобнее, подложил себе под голову свернутое полотенце - импровизированную подушку - и зевал во весь рот.

- Эй, постой, ты не можешь сейчас заснуть, - запротестовала я, опуская окно со стороны Логана, чтобы его лицо обдувал освежающий вечерний бриз, в котором чувствовались пикантные нотки вяжущего травянистого запаха горного финбоша[3 - Финбош (англ. fynbos) - низкорослый кустарник, произрастающий в

ЮАР.]. – Я же не знаю, в какой отель тебя везти. Не мог бы ты его описать?

– Очень хорошие комнаты. Большие.

– Хорошие и большие комнаты? Это единственные отличительные черты твоего отеля?

– В ванной массивный душ и изящные маленькие бутылочки с шампунем и гелем для душа, словно это разные сорта вин. Типа кьянти – это бальзам для волос, а бургундское – гель для душа, – сказал он, явно стараясь быть полезным. – Еще шикарный мини-бар в комнате... там есть британские сладости, – его глаза слипались, он говорил медленно и вяло. – Вы тут едите британский шоколад?

Я разочарованно вздохнула. Я спрашивала себя, протрезвел он или все еще в стельку пьян. Надеюсь, что пьян, потому что в противном случае он туп как пробка, и это лишит его всякой привлекательности в моих глазах.

– Логан, мне по барабану, насколько роскошны номера в пятизвездочных отелях. Можешь ты сказать, как выглядит отель снаружи, или его лобби, или хоть что-то на фасаде, что я могла когда-то видеть?

Никакого ответа.

– Логан? – Я посмотрела на него и поняла, что он провалился в глубокий сон. Ну, просто превосходно.

Я продолжала ехать в темноте – главная машина в длинной процессии автомобилей, которые следовали за нами буквально по пятам, а рядом со мной находился один из самых знаменитых мужчин на свете: идеальное тело, небрежная прическа, который тихо посапывал во сне на пассажирском сиденье.

Глава 6

Неистовая погоня

У меня не было ни малейшего представления о том, куда мне везти своего спящего пассажира.

Прошло уже полчаса с тех пор, как мы покинули гавань, – думаю, к этому времени знаменитости, что тусили на вечеринке, уж точно должны были обнаружить, что их почетный гость смылся в неизвестном направлении? Я чертовски сильно надеялась, что они также найдут и его записку и не поднимут на ноги всю местную полицию, чтобы найти и спасти его. Если они будут разыскивать его на побережье, то точно услышат от сборища фанатов, что Логана Раша увезла в неизвестном направлении какая-то девушка. Решат ли они, что я его похитила?

Пытаясь отделаться от преследователей, я сделала множество поворотов, и мы заехали в незнакомый мне и заброшенный промышленный район на задворках Кейптауна. Дорога с односторонним движением впереди широко разветвлялась на три направления, всё вокруг едко-желтым цветом освещали уличные фонари, во многих из которых были выбиты лампочки. Двое бездомных устроили пьяную перебранку на перекрестке, и я заторопилась. В опросе «Вы бы предпочли, чтобы к вам пристали ночью на безлюдной улице... (а) двое пьяных бомжей, (б) вооруженные бандиты на машине, (в) группа чокнутых фанатов Раша?» я бы выбрала «(г) ничего из вышеперечисленного».

Мне надо было найти безопасное место и дождаться там, пока Логан проспится и протрезвеет настолько, чтобы сказать, куда его везти. Плюс к этому нужно избавиться от хвоста из папарацци и фанатов до того, как мы заедем в центр. Я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, что к нашей процессии присоединились еще две машины.

Одна из любимых поговорок Зеба гласит: «Гонятся только за теми, кто убегает».

А что, если фанаты и папарацци преследуют нас лишь потому, что мы пытаемся бежать? Может, если я дам им хороший шанс увидеть Логана и спокойно сделать фотографии, после они поведут себя вежливо и разъедутся по своим делам и оставят нас в покое?

Ага, и, может быть, свиньи отрасли себе крылья да будут летать.

Светофор впереди загорелся желтым. Мне придется остановиться. Как же мне обхитрить преследователей?

Я поспешила подъехать к светофору, который теперь сменился на красный, вывернула руль и припарковалась поперек трехполосного шоссе так, что дверца моей машины была обращена к нашей приближающейся свите. Я налегла на ручной тормоз и, оставив мотор включенным, вышла из машины, чтобы встретиться с ними лицом к лицу, захлопнула за собой дверцу и подняла руку в жесте стоп. Другие машины тоже затормозили, и из всех окон выглянули лица, на которых было написано ожидание.

- Подойдите посмотреть, - громко сказала я и стала звать их жестами.

Фотограф и пара фанатов выбрались из своих машин.

- Давайте, живее! Он заснул в машине. Вы можете сделать пару снимков.

Как только первые несколько преследователей подбежали к нам с камерами и смартфонами наготове, все прочие повыпрыгивали из машин и последовали их примеру. Как я и надеялась, у них моментально прошла истерика, они спокойно подошли ближе и тихо столпились у машины с моей стороны. Одна из предводительниц нагнулась, чтобы протиснуться поближе к окну моей закрытой двери, и вежливо спросила у меня:

- Можно? Можно мы сделаем снимки?

- Да, конечно. Всем видно?

Теперь уже все покинули свои машины, столпились около моей и возбужденно болтали.

- Он здесь - в машине!

- Это правда он!

- Она разрешила нам сделать фотки!

– А-а-а, у меня батарейка села!

Светофор загорелся зеленым. Плешивый, жующий жвачку папарацци с узким лицом, как у хорька, сделал ко мне несколько шагов.

– Мы не умеем смотреть сквозь металл, леди. Или сквозь вас.

– Конечно, – сказала я и выдала, надеюсь, свою самую обезоруживающую улыбку. – Извините. Вот, позвольте мне открыть вам дверь.

Я повернулась, открыла дверцу машины и резко запрыгнула внутрь, заблокировала все двери, убрала тормоз и развернула машину на перекрестке.

– Давай, давай, давай! – заорала я на мотор и утопила в пол педаль газа.

Мотор громко захныкал, протестуя, но у меня больше не было толпы фанатов на хвосте. Красный на светофоре вряд ли их остановит, но они, должно быть, разбежались по своим машинам, попрыгали внутрь и тоже стали заводиться. Если бы мне только найти хорошую тропинку где-то... где-то... ага, вот!

Я нырнула на темную улицу, что изгибалась таким образом, что ее было почти не видно с главной дороги, и свернула в первый же открытый проезд, который увидела, пролетела пулей в ворота, что болтались на сломанных петлях, и проехала вглубь по неосвещенной аллее. Мертвенно-белый свет моих фар освещал высокие кипарисы, растущие с каждой стороны. Я проехала еще пятьдесят метров, выключила двигатель, фары, сползла вниз, устраиваясь поудобнее на своем сиденье, села тихо, тяжело дыша, словно я только что убежала от маньяка с бензопилой в руках.

На соседнем сиденье Логан все еще спал мертвым сном. Моя езда безумной каскадерши должна была его хорошенько помотать, но он ни разу не проснулся. Он спал так тихо, что я ткнула его под ребра, чтобы проверить, жив ли он еще, и расслабилась, когда он сперва всхрапнул, затем икнул.

Я впилась глазами в его лицо. Тут не может быть двух мнений: парень – настоящий красавчик, несмотря на то что у него на лбу начал расплываться багровый синяк.

Невероятно, невозможно, однако в жизни он был еще красивее, чем на экране. Он был истинным воплощением всего, что я о нем знала. А знала я попросту все, что только было в доступе.

Логан Раш. Возраст: 20 лет. Национальность: американец. Рост: 6 футов 1 дюйм (что конвертер в интернете перевел как 1,85 м). Размер обуви: 10-й. Волосы: черные. Глаза: голубые.

Ни на одном сайте не указан точный оттенок его глаз, старое доброе определение «голубые» вполне их удовлетворяет. Но не меня. Зеб может сколько угодно дразниться, что у меня одержимость, но, когда дело доходит до Логана Раша, я считаю, что точность очень важна.

Я изучила все фильмы и фотографии и думаю, что его глаза – темно-синие, кобальтовая синева. Достаточно темные, чтобы таить в себе секреты. Достаточно темные, чтобы утонуть в них.

Когда я в последний раз пересматривала по видику фильм «Зверь: Солнце», заставив Зеба смотреть вместе со мной, я нажала на пульте на паузу, когда показывали его глаза крупным планом, и заметила, что радужная оболочка его синих глаз имеет темный контур. Я вздыхала и глазела, отпихивая руки Зеба, который боролся со мной за пульт.

– Признай, что у него красивые глаза, – потребовала я.

– Они точно подкрасили их ему с помощью Си-Джи-Ай.

– Что?

– Трехмерной компьютерной графики. И эти его шесть кубиков – явно тоже нарисовали.

– Неправда.

Я перемотала фильм вперед до момента, где Логан срывает с себя рубашку, собираясь вот-вот превратиться в тигра, и стала изучать его тело.

Бо-ож-же мой! (Я могла сказать это не только про себя, но и вслух.)

– Ага. Отфотошопили. Определенно, – сказал Зеб. – Или это просто наклейка на тело.

– Ты такой циник? – спросила я. – Ты просто не хочешь признать, что тоже считаешь его знойным красавчиком.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Я предпочитаю другого персонажа – ту, светловолосую и с ямочками. Она же в следующем эпизоде? – сказал Зеб. Он выхватил у меня пульт, нажал на кнопку – и вот мы уже стали любоваться на белокурую стерву.

– Я люблю Логана Раша.

Я говорила это всякий раз, когда смотрела фильмы с ним, и я не шутила.

– Ты его не любишь – ты его даже не знаешь! – протестовал Зеб.

– Нет, знаю, – говорила я упорно. – Я знаю, что у него есть младшая сестра, которая живет с их матерью в Атланте, штат Джорджия, в Штатах, и что ему было всего семь лет, когда его отец погиб в автокатастрофе и они остались без гроша. Бедненький. Первой его ролью стал Питер Пэн – в шестом классе, в школьной постановке.

Я разузнала все, что только можно было, о том, как он из грязи вышел в князи. Я была в курсе даже того, что на его правой ноге был скрюченный мизинец, потому что как-то раз он опрокинул на себя швейную машинку, будучи в нежном возрасте восьми лет (и где только была его мать – беспечная женщина! Он же мог убиться!).

– Ты знаешь только то, что их отдел пиара выпускает в свет, – это не то же самое, что знать его самого. Да очнись же, он может быть геем. Он явно гей.

– Это не изменит моих чувств к нему, – заявила я высокомерно. – И, к твоему сведению, у нас полно общего.

Услышав это, Зеб расхохотался.

– И что же общего? Тебе восемнадцать... только исполнилось... а ему – ему сколько? Двадцать пять?

– Ему даже двадцати еще нет! Между нами ничтожная разница в каких-то два года.

– Оба твоих родителя живы, ты живешь в Южной Африке, в то время как он – в США, плюс к тому еще маленький факт, что он большая кинозвезда, а ты – мисс Никто, заканчивающая старшую школу! – Он отмахнулся от попкорна, которым я в него кинула. – Мне кажется, у вас нет абсолютно ничего общего.

– Что ж, это говорит лишь о том, как мало ты знаешь.

Как и у Логана, у меня была сестра. Вернее, четверо. У меня также была страсть к экологии – я вычислила, что и у него она должна быть, думая о темах фильмов, в которых он снялся. У меня была собака, и у Логана тоже. Моя была дворняжкой по кличке Лобстер. У него – коротконогая гончая по кличке Тоффи, которую он еще щенком взял из приюта для животных четыре года назад. А-а-а!

– Дюжина гламурных журналов наградила его титулом «Самый сексуальный мужчина на свете», – заявила я Зебу. – В рейтинге «Муви Ньюз» «Самые горячие актеры младше 25» он занимает первое место, так же как и в рейтинге «Тин Скринз» «Самые горячие красавчики», и он остается № 1 последние три года. Его прозвали Принцем Голливуда.

– Роми, – взмолился Зеб, – я признаю его самой горячей звездой из всей чертовой галактики Млечный Путь, если ты только перестанешь о нем рассказывать! Ну пожалуйста!

Зеб выглядел так, будто он остановился у опасной черты, за которой следует взрыв, так что я прекратила говорить о Логане Раше. Но ничто не мешало мне о нем мечтать.

Мне казалось, что я все еще мечтаю о том, чтобы сидеть с ним рядом, когда я уже сидела тут, рядом с ним, наблюдая за ним спящим. Я изучала его облик в скудном свете, каждую его черточку в формате 3D. У него были длинные пальцы музыканта и удивительно узкие запястья. Его челюсть, скрытая легкой щетиной, была квадратнее, чем казалась на экране, а лицо оказалось худее. Его изогнутые брови были такими же иссиня-черными, как и волосы, которые у него были самую малость длинноваты, а ресницы – длинные до невозможности. Длинные пушистые ресницы, которые парням совершенно ни к чему.

Желала бы я оттянуть ему веко да посмотреть, какой именно оттенок у его глаз. Но всё, чего хочется моим рукам, – это гладить его. Очень нежно. Отбросить в сторону густой локон, упавший ему на глаза, когда он повернулся во сне, провести пальцами по его щекам, ощутить вкус его губ.

Мои руки замерли на полпути к его лицу, когда я опомнилась. Не годится это – ласкать человека, когда он, по сути, в отключке. Я вспомнила о том, как он пытался избежать прикосновений и вторжений в его личное пространство на яхте. Бедный парень: судя по всему, люди везде и всюду стремились его потрогать: простые смертные желали прикоснуться к небожителю. Я читала статьи о том, что фанаты вырывали клоки из его одежды и даже рвали ему волосы, чтобы завладеть хоть прядкой. Нет, неправильно будет его гладить – и не имеет значения, насколько сильно искушение. А мое искушение было сильно.

Я скрестила руки на груди и принудила себя смотреть в сторону. Наклонившись к зеркалу заднего вида, я высматривала, не появился ли кто-то позади нас, и увидела свет фар машины, которая медленно ездил по дороге туда-сюда, однако никто не проехал за нами в ворота. Я подумала, что от хвоста мы все-таки избавились. Однако пробыть в укрытии еще немного было явно хорошей идеей. Но в этот момент до меня дошло, что я не имею ни малейшего представления о том, где мы.

Я сползла на пол со своего сиденья, чтобы рассмотреть через окно окружающую обстановку, но я увидела только низко свисающие ветви каких-то деревьев с темными листьями. Я чуть-чуть подняла голову и выглянула наружу.

В слабом свете я увидела ангела в белоснежных одеяниях, распахнувшего крылья в моем направлении.

Я рывком подняла вверх шпингалет и стала глазеть по сторонам, всматриваясь в каждую деталь, скрытую темнотой. Ангел восседал на массивном каменном постаменте; ряды мраморных надгробий пересекались с каменными; плохо скошенная трава, всюду букеты искусственных цветов, а припарковались мы около заросшего травой участка, где была выкопана прямоугольная яма, в которую с холмика рядом осыпалась земля.

Я завезла нас в центр кладбища.

Глава 7

Ангелы и демоны

Сидя на темном кладбище, я ожидала, что вот-вот, и из открытой могилы вылезут зомби с гниющей плотью, с гноящимися ртами и станут тарашиться на нас остекленевшими глазами. Я знаю, это звучит глупо, но, когда я тихонько посмеялась над собой, смех вышел натянутым.

Местечко, где могут появиться зомби, – не самое безопасное место для Логана Раша. Но зомби – не самое страшное: мы можем натолкнуться на вандалов или современных расхитителей гробниц, которые срывают медные таблички с надгробий и мемориалов, чтобы продать их на лом, или крадут с могил живые цветы, чтобы подарить их своим подружкам. Они могут решить, что я – более жирная добыча, и направить свое внимание и отвертки в мою сторону. Кроме того, если кто-то из папарацци или фанатов засечет нас, высмотрев с дороги, мы окажемся в ловушке. Пора выбираться отсюда.

Дорога оказалась узенькой, огражденной с каждой стороны высокими каменными блоками, и явно предназначалась для одностороннего движения. С моей-то удачей, если я рискну тут развернуться, то отправлю нас прямиком в свежую яму. Так что я завелась и поехала вперед, высматривая знак выезда или место, чтобы развернуться.

Мне было страшновато, я словно ехала через склеп, а за пределами света фар плескался смолисто-черный мрак. Жуткие, искривленные тени плясали вокруг.

Мне очень хотелось, чтобы Логан проснулся: сейчас я не отказалась бы от компании. Я умышленно проехала по «лежащему полицейскому», не затормозив перед ним, но, несмотря на скачок, Логан не проснулся – просто его голова мотнулась к другому плечу. Честное слово, если бы люди знали, насколько он не является защищающим принцесс храбрым мачо...

Ну, скорее всего, все по-прежнему любили бы его.

Дорога, кажется, описала петлю, но, возможно, она еще приведет нас к выходу. Фары осветили остывший пепел и остатки дров на старом кострище в дупле поваленного дерева. Что, если здесь проводили ритуал сатанисты, собиравшиеся вокруг пентаграммы, нарисованной кровью на могиле от принесенной в жертву кошки? Или обезьяны? Или полуобезьяны-полукошки, мутанта? Я затряслась от страха, но тут заметила ворота впереди. Выход!

Но ворота оказались оплетены толстой цепью с висячим замком. Дерьмо. Придется ехать обратно через все кладбище. Ругаясь себе под нос, я переключила передачу и начала метаться туда-сюда и выкручивать руль, чтобы сделать поворот в три приема. Или в двадцать три, если уж быть точной: дорога была ужасно узкой.

Сложные маневры на краткое мгновение отвлекли меня от всего, что может ползти, схватить когтями или сочиться кровью, но как только я, держась за руль холодными и потными руками, подрулила к первым воротам, мой беспокойный ум тут же припомнил все местные легенды: о не упокоившихся душах рабов, что когда-то обитали в сырых, покрытых слизью туннелях под старыми районами города, и о волосатом злом карлике Токолоши[4 - Токолоши (англ. Tokoloshe) – в мифологии племени зулу: водяной дух, похожий на карлика.], который приходит по ночам, чтобы напускать чары, съесть пальцы на ногах и уносит с собой неосторожных путников. Кошмар!

Когда мы, наконец, доехали до выхода, я увидела, что половинка ворот захлопнулась, – или ее захлопнули? – в общем, она была закрыта. Чтобы сбежать из этого места, придется мне вылезти из машины и открыть ворота нараспашку.

Жуткие картинки замелькали перед моим внутренним взором: сюжеты всех фильмов ужасов, что я когда-то смотрела, кошмарные подробности каждой городской легенды о кладбищах, что я когда-то слышала. Был фильм о

влюбленных, уединившихся в машине, чтобы заняться любовью. Они услышали странный шум, и мужчина вышел, чтобы узнать, в чем дело, но не вернулся, а женщина стала сходить с ума от беспокойства. Затем она услышала странное капанье по крыше машины. Она подумала, что это дождь, а на самом деле это была кровь ее приятеля, которому перерезали горло и повесили его за ногу на дерево прямо над машиной.

Мне не хотелось высовывать из машины и ногу. Я бросила взгляд на Логана в надежде, что тот проснулся.

– Логан? Логан?

Ноль эмоций. Придурок, в котором ни капли рыцарства.

Я внимательно посмотрела по сторонам – нет ли поблизости людей или монстров, – прежде чем открыть дверь и высунуть нос наружу, отчаянно отмахиваясь от рисуемых воображением образов, как меня подвесили за ногу на низкой ветви какого-нибудь кедра. Крылья ангела теперь, казалось, были простерты ко мне в умоляющем жесте, он ими меня не защищал. Или это игра воображения, или земляной холм около свежей могилы стал выше, чем был? Я бросилась к воротам, прислушиваясь ко всем таинственным шорохам, вздохам ветра в кронах деревьев и странному свистящему уханью, которое, как я отчаянно надеялась, было всего лишь криком ночной птицы, а не позывным членов какой-нибудь банды.

Я открыла створку ворот, подперла ее крупным камнем и побежала обратно к машине. Только когда я захлопнула за собой дверцу и заблокировала все, я смогла выдохнуть и посмеяться над своей глупостью. Тогда-то я это и услышала: по металлической крыше машины скребли чьи-то острые когти – и закричала.

Вообще-то крик получился ужасный. Короткий и резкий визг, но такой, от которого дрожат стекла, и громкий. Визг из глубины моего существа, порожденный всем напряжением и всеми стрессами этого дня. Может быть, даже целого года.

Логан воспарил над своим сиденьем. Я готова поклясться, что он оторвался от него на локоть вверх. Может, у него и не было суперспособностей Зверя, но парень умеет летать. А также визжать: на более низких нотах, чем я, и, возможно, громче меня. Его глаза широко распахнулись, а волосы встали дыбом,

хотя это могло быть оттого, что они просто так высохли – вздыбленные под скомканным полотенцем.

– Что такое? – заорал он.

Я сразу почувствовала себя гораздо лучше. Мне помог мой душевный визг, который провентилировал мне легкие и вызвал катарсис, а еще до меня дошло, что по крыше машины проскребла просто ветка. Прямо сейчас я чувствовала себя гораздо спокойнее, чем Логан выглядел.

– Что-то не так? – спросила я, стремясь успокоить его и привести в норму.

Логан взглянул на меня дикими глазами и отпрянул в страхе. От меня! Я спасла его задницу даже не один, а целых три раза – и даже больше, если считать, что защитила его от потенциальных грабителей, серийных убийц и Токолоши, – и теперь он глазеет на меня с подозрением и беспокойством, явно переходящим в панику.

– Кто ты? Где я нахожусь? – Он в панике выглянул из каждого окна, заметил надгробия, ангела и разъявленную могилу и уставился на меня снова в неопишемом ужасе. – Куда ты меня завезла? И почему?

– Расслабься, Храброе Сердце. Мы просто на кладбище.

– Тебе это с рук не сойдет!

– Что не сойдет?

– Что бы ты ни собиралась со мной сделать. – Он бешено шарил по дверце машины, пытаюсь найти ручку и разблокировать ее.

– И это вся твоя благодарность? – Я водрузила на нос очки, завелась, и машина выехала на проезжую часть. – Пожалуйста, обращай в любое время.

– А что ты сделала с моими туфлями? – потребовал ответа Логан, глаза на свои голые ступни.

- О нет, только не это! Боже, ты помешан на своих туфлях – ты в курсе?

Спустя минуту мы выехали на главную дорогу и покинули заброшенный промышленный район, и тут я, следя за тем, чтобы ни одна машина за нами не увязалась, ясно увидела впереди дорожный знак, указывающий путь к центру города.

- Куда ты меня везешь?

- Это ты мне скажи: в прошлый раз, когда ты со мной разговаривал, ты не мог вспомнить название своего отеля. Сейчас есть какие-то мысли?

Он нахмурился. Икнул.

- Нет.

- Помнишь хоть, как он вообще выглядел?

- Он очень большой...

Я закатила глаза в ответ.

- И еще, если это поможет, там серебряный дельфин в лобби. И...

- Ни слова больше, знаю, это «Кейп Маджести».

Я по навигатору построила маршрут до набережной Виктории и Альфреда[5 - Набережная Виктории и Альфреда (англ. Victoria & Alfred Waterfront) – одна из главных достопримечательностей Кейптауна. Названа в честь принца Альфреда, который начал постройку гавани и набережной в 1860 г., и его матери, королевы Виктории. В 1990-х гг. гавань была полностью отремонтирована, и сейчас это исторический район города со множеством ресторанов, баров, музеев и исторических памятников.], где находился этот супершикарный отель. Логан просидел в молчании несколько минут, икая время от времени.

Когда он заговорил, его голос звучал смущенно:

– Э-э, извини, я был немного груб несколько минут назад. Я очень испугался – из-за этого кладбища и вообще всего. Я Logan Раш.

– Я знаю, – сказала я, улыбнувшись ему.

– Да, но... э-э? – Он посмотрел на меня вопросительно.

– Ох, да, извини. Я Розмари Морган.

– Очень, очень приятно... и, э-э, почему я в твоей машине?

– А ты помнишь, что случилось?

Он нахмурился, прищурился и покачал головой. От чего, кстати говоря, стал выглядеть суперкруто.

– Я помню вечеринку и потом... я и впрямь пошел поплавать?

– Можно и так сказать.

– И затем были те визжащие девушки...

– Ага.

– И пингвин!

– Похоже, память к тебе возвращается.

– А мои ту...

– Logan, – перебила я его, – клянусь, если ты еще раз упомянешь слово на букву «т», я лично скормлю тебя львам.

– Каким львам?

– Ты же в Африке. Львы здесь всегда где-нибудь поблизости, – сказала я с угрозой в голосе, сильно покривив душой. По крайней мере, это отвлекло его от пропавшей обуви.

Он потряс головой, словно хотел прояснить мысли, затем вздрогнул и поднес руку ко лбу.

– У тебя там вспухает супершишка, – сообщила я ему.

Логан торопливо опустил солнцезащитный щиток, откинул со лба волосы и впился встревоженным взглядом в зеркальце на щитке.

– Проклятье! – Он изучал шишку с разных сторон и попытался закрыть ее локоном волос.

– Да, вся твоя красота испарилась, – пошутила я. Ни у одного другого парня нет такого самолюбования, как у него. Зеб до колки будет смеяться, когда я ему расскажу.

– Они меня просто убьют. – Логан вернул солнцезащитный щиток в прежнее положение и тяжело опустился на свое сиденье, виновато сгорбившись.

– Кто? – спросила я, пока мы пробирались ко въезду в огромный туристический комплекс на набережной, где трендовые рестораны, клубы и бутики почти полностью маскировали грузовые пристани Кейптауна, вокруг которых были построены.

– Делать макияж, подбирать свет... и все это непрерывно. Силла! – Он простонал последнее слово.

– Силла?

– Моя немезида[б - Немезида (англ. Nemesis) – в греческой мифологии богиня возмездия.] и бессменный предводитель. Царица преисподней. Если им придется переснимать, она сожрет меня живьем и косточек не оставит!

– Кем же тебе приходится эта женщина?

– Мой режиссер. – Логан вдруг сел прямо и выругался, затем бросил на меня виноватый взгляд. – Я прошу прощения. Мат – один из моих пороков.

В реальной жизни его акцент звучит живее, ритмичнее, чем в кино, – отчетливо слышно, что он родом с американского Юга, и это совершенно очаровательно, хотя порой чуточку заметно, что он глотает окончания слов. Видно, что он еще слегка навеселе.

– Я должен был устроить все так, чтобы она знала, что со мной все в порядке. Она будет очень сильно беспокоиться. – Он похлопал себя по карманам. – Ну, может, она не будет беспокоиться, а просто взбесится и выйдет на тропу войны.

– Ты сказал, что оставил для них записку.

– Правда? – казалось, он восхитился своей предусмотрительностью.

– И мне кажется, что с твоим телефоном...

– ...можно попроситься, да, – Логан вытащил из кармана гладкий черный смартфон. На его соединительном шве показались капельки воды, а потом оттуда вылился целый ручеек. – Какого дьявола я устроил ночью? Отправился поплавать в смокинге?

– Очень похоже на то. Знаешь, говорят, что если в памяти провалы, то это значит, что ты перебрал с алкоголем.

– Я это делаю нечасто, – сказал он, защищаясь.

– Вот мы и приехали – «Кейп Маджести», – сказала я, когда мы затормозили у помпезных ворот с высокими колоннами, за которыми из шикарного автобуса высаживалась орда туристов.

Я уже свернула на короткий подъездной путь, ведущий к пункту, где разрешалось высаживаться гостям отеля и где стояли в ожидании парочка швейцаров в высоких шапках и золотистых ливреях, когда увидела их. Я пригнула голову Раша свободной левой рукой:

– Скорее пригнись, твои поклонники!

Логан свернулся калачиком на пассажирском сиденье моей машины, но, чтобы быть абсолютно уверенной в том, что он невидим для неистовых фанатов, я накинула полотенце ему на спину и голову. Я пронеслась со свистом мимо ошарашенных швейцаров, которые уже выступили, чтобы нас поприветствовать, втиснулась в узенькую щелку, оставленную шикарным автобусом, и продолжала ехать. В одно движение девушки-служащие на воротах просканировали мою машину, обнаружили, что она не проходит по департаменту знойных красавцев, и со скучающим видом вновь уставились на дорогу, по которой машины подъезжали к отелю.

Мне необходимо было придумать способ доставить Логана в отель и не всполошить стаю его поклонников.

– И что теперь? – Голос Логана глухо прозвучал из-под полотенца.

Несколько минут я напряженно размышляла. Я наслаждалась всем этим: то был самый волнующий день с самого... ну, самый волнующий день в моей жизни, ладно уж.

– У меня есть план, – сказала я и пулей помчалась к многоэтажной парковке, скрытой от посторонних глаз, что была пристроена к отелю «Маджести» сзади. – Можешь сесть прямо.

– Я прошу прощения, что повторяюсь, но где мы?

– С парковки в отель должен быть прямой вход, – сказала я, ведя машину вверх по пандусу на верхние уровни парковки. – Скорее всего, тут почти никого не будет.

Так и оказалось. Я припарковала машину в уголке прямо у входа, мы вышли из машины, и я окинула Логана оценивающим взглядом. Он выглядел неопрятно в своем влажном и измятом смокинге. Галстук-бабочка съехал набок, волосы всклокочены, и, естественно, босой. Но к сожалению, в нем безошибочно можно было узнать кинозвезду Логана Раша.

– Вот, – сказала я, доставая из сумки солнцезащитные очки и протягивая ему. – Надень-ка это.

– И? Как я выгляжу? – Он держал руки поднятыми вверх в жесте вуаля! словно демонстрировал мне идеальную маскировку.

– Ты немножко меньше похож на Логана Раша.

Ну, на полпроцента меньше, примерно.

– Как насчет твоей маскировки? – спросил он.

– Мне она ни к чему: я не знаменитость.

– Я не хочу быть единственным, кто выглядит как придурок, который надел солнцезащитные очки ночью.

– Ладно. – Я схватила линялую бейсбольную кепку из своей сумки с одеждой в машине и напялила ее. – Теперь доволен?

Он повернул козырек кепки вбок и кивнул. Я в жизни не носила кепку набок, словно какая-то отсталая, мечтающая о карьере рэперши. Но нам нужно срочно попасть в отель, так что я не хотела терять время на препирательства.

– Давай возьмемся за руки, – предложил Логан. – Мы можем сделать вид, что мы парочка, у которой медовый месяц. Или, – он постучал по своим темным очкам, – я могу быть слепцом, а ты – моим «Зорким глазом»[7 - «Зоркий глаз» (англ. Seeing Eye) – широко известная организация для помощи слепым.]... э-э, поводырем.

Я кинула на него подозрительный взгляд и увидела, как уголок его рта приподнялся в усмешке. Даже если он поддразнивает меня, я не буду возражать. Еще несколько минут – и мы разойдемся в разные стороны, и я больше никогда его не увижу вживую, а только в фильмах. Будущая я будет бережно хранить воспоминание о том, как Логан Раш однажды попросил меня взяться с ним за руки.

– О'кей. – Я вложила свою ладонь в его большую и теплую ручищу, и мое сердце беспокойно затрепетало. – Пойдем.

Глава 8

Свиньи и банни[8 - Игра слов: банни (англ. bunny) здесь означает не только кролика, но и банни-чау – местное блюдо.]

Мы прошли прямо через ворота к подъездной аллее, миновали одинокого курильщика, который наслаждался дозой никотина, и прошагали вдоль короткого ряда магазинов – закрытых в этот час – по дорожке, что вела к другому входу в отель. Впереди показалась группка людей, но, видимо, ангел с кладбища защищал нас, так как среди них не было женщин до тридцати, и те взгляды, что Логан привлек к себе, были неодобрительные: из-за его неряшливого вида и потому, что он был босиком.

Еще через минуту мы достигли стеклянной двери отеля, но тут выступил вперед швейцар и загородил нам путь.

– Он живет в этом отеле, о'кей? Его ограбили, и я провожаю его обратно в номер, – быстро сказала я, прежде чем швейцар успел указать на надпись «С сохранением права на вход»[9 - Это значит, что в заведение может быть не впущен кто угодно без объяснения причин. – Примеч. ред.] на стене позади него или упомянуть о дресс-коде.

Я уж точно не отвечала здешним стандартам, с моими-то грязными джинсами и футболкой, старыми теннисками и дешевой кепкой, натянутой на пучок растрепанных волос. Ни одна живая душа и помыслить не могла бы, что я встречаюсь с таким горячим красавчиком, что стоял рядом со мной, – уж лучше притвориться «Зорким глазом», его собакой-поводырем.

– Плюс он слепой и нуждается в том, чтобы я его проводила, – сказала я, но швейцара мне убедить явно не удалось.

Логан вытянул руки, положил их на плечи швейцара, поднял их выше к его изумленному лицу и стал ощупывать ему физиономию.

- Это мой отец, мисс Морган? Это мой отец, которого я потерял много лет назад? - спросил он жалобным тоном.

- Нет, мистер Фальконер, это не он. Это служащий отеля, который прямо сейчас занимается дискриминацией людей с ограниченными возможностями: не пускает слепого человека, инвалида, гостя отеля. Как ваше имя? - спросила я у швейцара грозным тоном.

Швейцар перевел взгляд с меня на Логана и обратно, затем пожал плечами и отступил в сторону.

- Сюда, мистер Фальконер, сюда. - Поддерживая Логана под локоть и ведя обеими руками, я провела его внутрь отеля.

Мне хотелось захихикать, и, судя по вздрагивающим плечам Логана, ему тоже. Но мы мгновенно посерьезнели, войдя внутрь, поскольку в лобби находился не только фонтан с серебристым дельфином. Толпа туристов, вышедшая из автобуса, прошедшая через главные ворота, теперь стояла у стойки ресепшена со смартфонами в руках и камерами на шеях. Было бы глупо надеяться на то, что Логан сможет пройти через эту толпу незамеченным.

Я в отчаянии оглядывалась по сторонам. Впереди были туристы, позади остался сомневающийся швейцар, слева высилось массивное фикусовое дерево, которое, возможно, послужило бы временным укрытием, а справа находилась принадлежащая отелю круглосуточная кофейня.

- Ладно, меняем план, - заявила я.

Я затащила Логана в кафе и усадила в одной из уединенных беседок, сиденья в которой были с очень высокими спинками. Едва мы уселись - я лицом к двери, а он к ней спиной, - как перед нами возникла официантка и протянула нам огромные меню.

– Вот, – я дала Логану свой смартфон. – Тебе лучше позвонить режиссеру и сказать ей, где ты. И, пожалуйста, не говори мне о том, что не помнишь ее номер, потому что я сильно сомневаюсь, что это поможет тебе избежать ее кары.

– Нет, я его не помню. Но, – он поднял указательный палец и вынул бумажник из внутреннего кармана жилета, – у меня есть вот это, – Логан бережно вытащил оттуда промокшую визитку. – Она осталась у меня с первого прослушивания. Я сохранил ее на удачу.

– Хорошая штука. Я собираюсь что-нибудь заказать – умираю с голоду. Ты будешь есть?

– Конечно, что угодно, что аппетитно выглядит.

– Ты не вегетарианец или веган, или что-нибудь в этом духе... м-м, голливудском, правда?

– Я? Я родом из Алабамы. Мы не боимся мяса. Мы там запекаем свиней целиком и едим.

Логан скосил глаза на визитку, пытаясь расшифровать расплывшиеся чернила номера, нацарапанного на карточке с обратной стороны, и стал набирать цифры на смартфоне тачпадом.

– Эй, Силла, это Логан... алло? Это Силла? – На его лице возникло непонимание, и он передал мне трубку.

Я послушала минуту, затем сказала: «Jammer, verkeerde nommer»[10 - Jammer, verkeerde nommer (африкаанс) – извините, неправильно набранный номер.] и нажала отбой.

– Ты неправильно набрал номер, – сказала я.

– На каком языке она говорила?

– Это африкаанс.

- Похоже на бульканье при полоскании горла.

Он сделал еще одну попытку, но теперь сосредоточился на том, чтобы точно забить цифры, и на сей раз дозвонился-таки до своего режиссера. Пока он говорил с ней, я делала вид, что читаю меню, а сама «растопырила уши», как сказал бы Зеб.

- Силла? Да, это я... Я знаю, знаю... прости. Мне просто хотелось сбежать, - ну, ты знаешь... нет, я в порядке... Да, но я-то не умер. Меня спасла морская сирена. - Он усмехнулся, глядя на меня, и мой желудок будто сделал сальто. - Девушка, о'кей? Прелестная девушка из местных... что? - Он взглянул на меня снова, на сей раз немного опасливо. - Нет, нет, я уверен, что она надежная... Стой-ка, я у нее спрошу.

Затем, повернувшись ко мне, он сказал:

- Ты же не репортер, правда?

- Нет! - выпалила я, словно он меня оскорбил. Втайне я была польщена, что Логан подумал, будто я достаточно взрослая для этого.

- Она говорит - нет... Что ж, думаю, это правда... Что это значит? У меня не осталось четких воспоминаний, но подожди минуту, я спрошу у нее, она знает всё.

Логан посмотрел на меня и сказал:

- Капитан яхты спрашивает, где мы оставили надувную лодку.

- На берегу в песчаной бухте, к югу от главной дамбы, в Симонстаде.

Он повторил мое предложение слово в слово и затем какое-то время молча слушал, прежде чем ответить:

- Мне так жаль, Силла. Ты же знаешь, я не хотел бы опозорить тебя ни за что на свете. Мы прячемся в кофейне, здесь, в отеле... Нет, я буду сидеть и не

высовываться, обещаю... О'кей, до встречи.

Логан нажал на отбой и протянул мне телефон.

- Ну? - спросила я.

- Она вот-вот подъедет. - Было непохоже, что он этому рад. - Силла во всеоружии, готова справиться с любыми негативными последствиями, поскольку думает, что ты журналистка из бульварной газетенки, только не признаешься.

- Правда?

- Скажи, а какого цвета твои глаза? - сказал он, наклоняясь вперед и всматриваясь в них.

Я нашла в себе силы только на то, чтобы выдохнуть:

- Э-э, карие?

Воспользовавшись моментом, я уставилась на него во все глаза, изучая его радужку. Глаза Логана были кобальтово-синие, того цвета, какой имеет глаз павлиньего пера, и они и впрямь имели фиолетово-черный ободок. К черту Зеба с его теорией о компьютерной графике.

- Готовы заказать? - К нам вернулась официантка и замерла с карандашом, упертым в блокнот.

Я посмотрела в меню, но буквыплыли перед глазами: на мне все еще были очки для вождения. Я переместила их на бейсбольную кепку и снова попыталась прочесть меню.

- Раз уж у вас тут не смешивают коктейли, - сказал Логан, - принесите-ка нам бутылочку...

- Кофейник крепкого кофе, пожалуйста, - сказала я твердо. - И большую бутылку минеральной воды.

- Ты так любишь командовать, - проворчал он.

- И два банни-чау с бараниной, - сказала я официантке. - Сделайте один острый и один, - я взглянула на Логана оценивающе, - обычный.

- Мы будем есть кроликов? - спросил Логан, когда официантка ушла.

- Это местный деликатес. Кроме того, я думала, что ты из Алабамы и не боишься мяса?

- Да, но... кролики?

- Пфф-ф-ф! Блюдо с бараниной, и это наилучшая еда, когда страдаешь от похмелья.

- У меня не похмелье.

- Еще нет, но так же точно, как то, что в Алабаме свиней едят целиком, оно у тебя вот-вот начнется.

- Я много выпил? - спросил Логан с кривой усмешкой, играя с бумажными пакетиками сахара из раздаточного устройства на столе. У него были, как говорит моя бабушка Нана, «музыкальные» пальцы - длинные, изящные.

- Да.

- Делал ли я какие-то глупости?

- Да, - сказала я с грустным кивком.

- А не сделал я что-нибудь... обидного? - Теперь он смотрел немного встревоженно.

- Ты хочешь сказать - типа, не разорвал ли мне футболку на груди, не швырнул ли меня на песок на пляже и не потискал?

Он уставился на меня в ужасе.

– Неужели я?.. Я этого не делал! Я не стал бы! Неужели сделал?

– Нет, – я рассмеялась, глядя на выражение его лица, а он кинул в меня пакетики сахара.

Официантка принесла наш кофе, кинула безмятежный взгляд на валяющийся сахар и удалилась. Я глотнула кофе. Логан сделал несколько мелких глотков из своей чашки, признательно вздохнул и долго всматривался в меня, прежде чем снова заговорить:

– Но не сделал ли я чего-нибудь по-настоящему глупого?

– Логан, ты отплыл в открытый океан, не умея управлять лодкой. И плавать.

– Я рассказал тебе это?

– И еще много всякого, – поддразнила я.

Его лицо невольно исказилось неподдельным беспокойством.

– Расслабься! Ничего криминального, – сказала я, отпуская его с крючка. – На-ка, побереги свою печень – выпей немного воды.

Логан одним глотком наполовину опустошил стакан, который я для него налила.

– Сдается мне, лучше бы я оставался на своей яхте: это была вечеринка в мою честь и все такое. Но я просто захотел передохнуть, понимаешь? Мне нужно было...

– Убраться от них подальше. Да, я понимаю. Я видела.

– Но кое-что не понимаю я, – сказал он, зацепившись за мои слова. – Как ты это увидела? Где ты была? Откуда ты взялась ночью посреди океана? Откуда ты...

– Эй, а вот и еда. – Меня спас банни-чау. – Смотри, Логан, – сказала я, указывая на половинку батона с румяной корочкой, из которого вынули мякиш и положили туда мелко нарезанные кусочки баранины в соусе карри, мясо было таким горячим, что над ним струился легкий пар. – Вот что такое банни-чау.

– Выглядит очень аппетитно, но как ты...

– Да, и ешь пальцами. Это вот, – я оторвала небольшую горбушку, которая имитировала крышку на блюде, – целка. Ты макаешь ее в соус, вот так, а затем ешь. – Я отправила в рот вкусный кусочек.

Логан посмотрел мне прямо в глаза и одарил меня медленной сексуальной усмешкой.

– Хм-м-м, значит, я начну с целки в соусе, а затем перейду к горячему лакомству?

Кровь бросилась мне в лицо, и я была рада, что у меня полон рот, так как понятия не имела, что отвечать. Я отпила холодной воды, тяжело сглотнула, затем показала ему, как есть банни: отрывать кусочки хлеба и вместо ложки зачерпывать ими пряное мясо с овощами.

Логан последовал моему примеру и ел с наслаждением, а неудобные вопросы о том, что я делала рядом с его яхтой, были явно забыты. Мы как раз заканчивали есть, а я настаивала, чтобы Логан выпил еще воды, когда я услышала пронзительный голос женщины, говорящей в нос с отчетливым американским акцентом, появившейся в дверях кофейни.

Я узнала женщину с яхты – высокую, носатую, со стрижкой боб и с несколькими полосками, выбритыми в ее черных волосах. Должно быть, это Силла. Режиссер допросила официантку, та указала в нашу сторону, и Силла тут же прошествовала к нам.

– Логан! Ох, Логан, только взгляни на себя! – воскликнула она, подойдя к нашему столу. – Я так волновалась. Ты мог погибнуть! Как это ты ускользнул из-под носа своей охраны? Этих болванов нужно уволить! Ну-ка, подвинься, – приказала она и села на диванчик рядом с ним. Затем она перевела свое внимание на меня. – ?Что ты ему сделала? – спросила меня Силла свирепо.

- Ничего!

- Она заставила меня пить воду! Едва в ней не утопила, - голос Логана звучал обвиняюще, а глаза смеялись.

- Я спасла его, когда он чуть не утонул.

- Ох, постой, - я кое-что вспомнил, - ну да, спасла! Но она вытащила меня из воды за волосы и испортила соленой водой мое шампанское! А еще она конфисковала мои туфли и спрятала их - или того хуже.

- Вовсе я их не прятала! Я его спасла от толпы визжащих девчонок и папарацци. Тебе стоит быть благодарным, ты, предатель, - сказала я ему сурово. Логан мне подмигнул. Я почувствовала, как в животе у меня запорхали бабочки.

- Кому ты рассказала об этом? - требовательно и предельно деловым тоном спросила Силла.

- Никому.

- Тогда ты не станешь возражать, если я проверю твой телефон и сумочку на наличие камеры.

- Вы будете поражены, - сказала я, отдавая ей свою сумку. Силла бесцеремонно перерыла ее сверху донизу, взяла мой айфон в свои руки с красными когтями и начала проверять, кому я звонила, мои фотографии, твиты, заметки, электронную почту и посты в фэйсбуке.

- Удовлетворены? - спросила я.

- Хм-м-м. - Силла изучала меня критическим оком. - Юная леди, которая умеет держать язык за зубами. Впервые такое вижу.

Логан, который молчал эти несколько минут, снова стал рассказывать байки:

- А еще она завезла меня на кладбище, где совсем перепугала на хрен!

– Логан, что я тебе говорила о мате в общественных местах? Вспомни о своем имидже – обжигающе-горячий, но чистый как стеклышко, – сделала ему выговор Силла.

Его лицо немедленно обрело постное выражение, но он пнул меня под столом, говоря тем самым яснее ясного, что притворяется.

– Почему это ты привезла его на кладбище? – спросила Силла, пронзая меня острым взглядом.

Я поведала ей о том, как избавилась от хвоста фанатов и папарацци, спрятавшись на кладбище. В моем пересказе это прозвучало скорее как оригинальный и хорошо продуманный план, чем как тот отчаянный рывок, которым это на самом деле было.

– А как тебе удалось провести его сюда, не притащив за собой фанатов? Они роились снаружи, когда я подъехала.

Я объяснила ей, как мы обогнули по дуге главный вход и вошли в отель через парковку.

– Она заставила меня притвориться, что я слепой, – вставил Логан.

– Извини, но это была твоя идея!

– И она пригрозила швейцару, что подаст на него жалобу за дискриминацию инвалидов, если тот нас не пропустит. Она реально его напугала.

– Я его не запугивала, я только намекнула...

– Я под впечатлением, – перебила Силла, все еще оценивающе меня рассматривая.

– А еще она заставила меня съесть кролика[11 - Игра слов: кролик (англ. bunny) и блюдо банни-чау (англ. bunny chow).]!

– Ох, да умолкни ты, – сказала я, бросая в него салфетку. Посмотрев на Силлу, я пожала плечами. – Этой ночью мне вздохнуть было некогда.

– И что же ты хочешь за свои услуги, которые оказала нам сегодня ночью?

– Чего я хочу? – повторила я, смутившись.

– Я имею в виду вознаграждение. – Она вытащила из кошелька толстенную пачку купюр и начала отсчитывать.

– Мне не нужны ваши деньги. – Меня обидело ее предложение.

Ее глаза сузились с подозрением.

– Должна же ты чего-то хотеть.

– Ну-у, – протянула я.

– Давайте выслушаем это, – сказала Силла, а у самой на лице было написано самодовольное выражение я-знаю-что-это-будет.

– Услышать «спасибо» было бы очень приятно.

Ха! Эти слова застали ее врасплох.

– Ну, юная леди...

– Мое имя Розмари Морган.

– Что ж, мисс Морган, примите мою искреннюю благодарность и мое восхищение. Держать руку на пульсе всего, что происходит вот с ним, – Силла кивнула в сторону Логана, – это все равно, что стаю кошек пасти.

Она написала номер своего мобильного на визитке и протянула ее мне.

– Позвоните мне, если вам потребуется работа, мисс Морган. У меня всегда найдется место для тех, кто знает законы улицы и местные особенности, тем более – для той, которая умеет держать рот на замке и у которой не происходит размягчение мозга при виде красавчика.

Силла поднялась и бросила купюры на стол – гораздо больше, чем нужно было для оплаты счета.

– Кстати о красавчиках, идем, Логан, давай-ка отведем тебя наверх. Мой бог, да ты босиком!

– Я же сказал тебе, что она похитила мою обувь, – ответил Логан, улыбаясь мне широкой улыбкой.

– Всего доброго, Логан Раш, было приятно с тобой познакомиться, – сказала я, протягивая ему руку для рукопожатия. Любой предлог для последнего прикосновения.

– Всего доброго. – Он взял мою руку в обе свои и нежно пожал. – Спасибо тебе за то, что спасла меня. Это доставило мне огромное удовольствие. Исключая тот леденящий душу вопль на кладбище – тут уж я перепугался до смерти.

Силла повернулась на каблуках и прошествовала к выходу. Логан последовал за ней, но сперва добавил:

– И то, что ты испортила мое шампанское.

Я рассмеялась. Он неисправим.

– И вытянула меня из воды за волосы, – сказал он через плечо, уже подойдя к двери. – Это больно.

– Слабак! – крикнула я ему вслед.

Он развернулся, помахал мне рукой и добавил последнее:

– И утопила мои туфли!

Затем Логан вышел в дверь вслед за Силлой, и больше я его не видела.

Глава 9

Кем ты хочешь быть

Одну неделю и два экзамена спустя бледный след от высохшей соленой воды на пассажирском сиденье моей машины, где Логан сидел в своем мокром смокинге, стал единственным напоминанием о том, что произошло той безумной ночью.

Пятно да визитка Силлы Свитч с ее личным номером на ней.

Я играла теперь с этой визиткой, вертя ее в пальцах, читая и перечитывая. Я, должно быть, проделала это уже раз сто за последние семь дней – сжимала ее в руках, словно магический талисман, мечтая, изумляясь, фантазируя и отбрасывая какие-то мысли.

Я едва не порвала ее на кусочки, но вовремя опомнилась и положила в свой бумажник.

Лобстер сидела рядом со мной на кровати, наблюдая за тем, как я кладу в свой маленький черный клатч блеск для губ, крохотную расческу и айфон. И бумажник, в котором хранится визитка суперуспешного кинорежиссера.

Мои родители устраивают сегодня вечером званый ужин, чтобы отпраздновать окончание моих итоговых экзаменов, – по правде говоря, окончание моей учебы, – и мое вхождение в то, что отец называет «следующей фазой жизни».

Мама очень хотела, чтобы я выбрала более роскошный наряд, но я считаю, что простое открытое черное платье без рукавов прекрасно для этого подходит. Она также хотела бы, чтобы я надела шпильки, но я ненавижу шпильки, и, как по мне, пестрые сандалии без каблуков очень хороши. Я была бы в миллион раз счастливее в шортах, футболке и босиком, устроив браай[12 - Braai (африкаанс) – барбекю.] на закате, на пляже, с парочкой лучших друзей из школы. Но папа

настоял на том, чтобы организовать эту вечеринку, а то, чего хочет глава «Посейдон Индастриз», он обычно получает.

Большинство моих приятелей на всю катушку отрывались в этом декабре[13 - Декабрь в Африке – самый жаркий летний месяц.]: подцепляли друг друга на короткие свидания и тусили в режиме нон-стоп большой компанией на выходных в заливе Плеттенберг или улетели отсюда, чтобы начать свой годовой перерыв в учебе в Лондоне или Сиднее. Но мои родители настаивали на том, чтобы я провела следующие три месяца, до того, как начнется университет, работая. Мама говорит, что я буду «прояснять свое будущее». Папа говорит, что я «продемонстрирую свою рабочую этику». Я называю вещи своими именами: меня ждет рабский труд.

Я причесала волосы и почистила зубы, липким роликом очистила от шерсти Лобстера свое платье и проверила в телефоне, нет ли новых сообщений. В ожидании остальных, пока они оденутся и соберутся, я прибралась в своей комнате. По крайней мере, это должно понравиться моим родителям.

Мне нравится моя комната. Кровать белого цвета из крашеного дерева, наборный пол из орегонской сосны и стены бледно-аквамаринового цвета создавали атмосферу пляжа: словно это были морская пена, песок и вода. Она явно смотрелась бы лучше, если бы не постеры, почти скрывающие все стены. Календарь с фотографиями выскакивающих из воды китов и стаями дельфинов висел на стене рядом с плакатами с лозунгами против отрезания плавников китам и ярусного и дрифтерного лова, а также ловли рыбы донным тралом – методов промышленного рыболовства, оказывающих разрушающее воздействие на окружающую среду. Прямо напротив своей кровати я повесила гигантский постер «Сиренки» – старого русского ледокола, превратившегося здесь в корабль – символ борьбы за окружающую среду.

Сколько себя помню, я мечтала о том, чтобы стать членом экспедиции к Южному океану, чтобы остановить китобойный промысел, что ведут японцы. Я даже отослала прошение зачислить меня в члены команды в марте, когда мне исполнилось восемнадцать, но в ответном письме по электронной почте меня уведомили о том, что, хотя я вошла в короткий список претендентов, меня не выбрали для декабрьской экспедиции в этом году. Но я отправлюсь посмотреть на корабль, когда он причалит в Кейптауне дозаправиться и пополнить припасы перед тем, как уплыть в воды Атлантического океана. Может быть, мне удастся добиться встречи с капитаном и упросить его взять меня в следующем декабре,

когда в университете будут каникулы.

Но по меньшей мере половина моей комнаты отдана другой страсти. Постеры и коллажи с Логаном Рашем украшали дверцы моего гардеробного шкафа снаружи и внутри. Его маленькая статуэтка была привязана на красной бархатной ленте к ручке выдвижного ящика с нижним бельем. Я приклеила постер с ним в полный рост в образе Чейза Фальконера на стену рядом с зеркалом, в котором можно видеть себя целиком, от макушки до пяток, так что, когда я рассматриваю свой наряд, я и люблюсь на его постер, и мы будто стоим с ним рядом – в некотором роде.

На этой огромной фотографии он казался таким настоящим, таким живым, что эта его копия казалась мне более реальной, чем то, что произошло в прошлую субботу на самом деле. То, что теперь казалось просто сном, галлюцинацией.

Я поцеловала в губы фотографию и накрутила блеском свои, когда за дверью послышался голос:

– Тук-тук.

Моя мать, одетая в воздушное платье лососевого цвета, коралловое кольцо и на изящных шпильках, казалась элегантной королевой, а не преподавательницей морской биологии в университете, кем она была на самом деле. Но я не унаследовала ее талант создавать себе безупречный образ, а потому, окинув меня взглядом, она вздрогнула.

– Еще не собиралась? – спросила она с надеждой.

– Я уже одета, мам, я так и выйду.

– Почему не синее шелковое платье, которое я тебе купила?

– Мне комфортно в этом.

– Но ты ведь сделала макияж, да? – Она взяла расческу с моего туалетного столика и причесала мои длинные волосы несколькими быстрыми взмахами.

- Ма-ам, я сделала макияж и накрасила губы блеском.

- Полагаю, мне оказали честь, - мать ласково улыбнулась. - Просто осторожнее, Роми, твой отец вот-вот придет сюда. Он придумывает заключительные слова для своей речи за сегодняшним ужином.

Я не ответила, а вместо этого взяла у мамы расческу и положила ее обратно на туалетный столик.

- Все еще не решила? - спросила она.

Мама говорила по-доброму и ласково, но прессинг есть прессинг. Я покачала головой.

- Ах, что ж, и то и другое будет для тебя прекрасным опытом, но, - она наклонилась и поцеловала меня в щеку, - я надеюсь, ты выберешь меня. Ты моя любимица, ты же знаешь.

- Мам, ты говоришь это каждой из нас.

- Потому что так и есть!

Зазвенел дверной колокольчик. Залившись яростным лаем, Лобстер спрыгнула с моей кровати и побежала вниз ко входной двери.

- Должно быть, это Мюриэль, приехала забрать Нана. - Мама помедлила в дверях и напоследок посоветовала: - Немного румян не убьют тебя, Роми, ты бледна, как *Parupeneus Margaritatus*[14 - *Parupeneus Margaritatus* (лат., англ. pearly goldfish) - барабуля зубастая, рыба жемчужно-белого цвета.].

- Продолжай - скажи это. Я же знаю, что тебе хочется.

- Барабуля зубастая.

- Очаровательно.

У моей матери есть привычка сравнивать одно с другим, но барабуля зубастая – это новый уровень.

– Очень лестно, – прокричала я ей вдогонку, когда дверь уже закрылась. – И очень по-матерински!

Я все еще бормотала себе под нос, когда младшая из моих четырех сестер ворвалась в комнату и – она всегда делала это, если меня навещала, – легонько стукнула кулаком мой постер с «Сиренкой» на удачу, сказав при этом: «Однажды, Роми, однажды этот день настанет».

Мюриэль – моя любимая сестра и единственная из семьи, кто поддерживает мои мечты активистки по защите окружающей среды. Она метеоролог, специализируется на изучении диаграмм океанической погоды и, как и я, она любит океан и его обитателей.

– Что выбираешь: улетную гонку со мной и Нана или поездку с остальным народом?

– С вами, ребята. Только бы не вместе с папой.

– Мне слышалось или меня звали? – сказал отец, входя в комнату.

– Я пойду взгляну, готова ли Нана, – сказала Мюриэль, тут же покидая меня.

– Ну спасибо, Мюриэль! – крикнула я ей вдогонку саркастически.

– Обращайся в любое время, – крикнула она в ответ.

Мой отец – крепко сложенный, с глянцевитыми седыми волосами и властными манерами, в темном костюме с красным галстуком с диагональным узором из крохотных черных трезубцев – корпоративным символом «Посейдон Индастриз». В то время как маму разочаровывало то, как я выгляжу, отца еще больше разочаровывал вид моей комнаты. Он знает, что постеры с лозунгами протеста – это камень в сторону «Посейдон Индастриз», которая использует некоторые способы промышленного рыболовства.

Он отвел глаза от постеров, прочистил горло и обратился ко мне:

– Розмари.

– Круто выглядишь, пап.

– Ну, ну, Розмари, ты тоже чудесно выглядишь.

– Скажи это маме.

– Что я хотел бы сказать твоей маме, что я хотел бы с полным правом сказать всей нашей семье и друзьям на сегодняшнем празднике – это то, что ты решила делать со своей жизнью. И что не терпит отлагательств – это твой ответ: где ты планируешь работать на каникулах – с мамой в университете или со мной в офисе?

– Я еще не решила, папа. Но ты будешь первым, кому я скажу, обещаю.

Я схватила свой клатч и поспешила к двери, надеясь, что он поймет намек. Но намеки были всегда напрасной тратой сил в общении с папой.

– Естественно, это зависит от того, что ты намерена изучать в университете в будущем году, – продолжал он. – Пойдешь ли ты по стопам матери и станешь изучать обитателей океанских глубин? Или ты решишь получить степень в предпринимательстве и станешь готовиться к тому, чтобы в один прекрасный день принять должность в «Посейдоне»? Я был бы счастлив, если бы бизнес остался семейным.

– Для этого у тебя есть Корделия.

Моя вторая старшая сестра Корделия работает в «Посейдоне» у папы. Несколько раз она пыталась объяснить мне, какую именно работу она там выполняет, но такие фразы, как «стратегическое планирование» и «структура бизнеса», заставляют меня засыпать от скуки.

– Суть в том, что ты должна решить: ты будешь изучать науку или предпринимательство, Розмари, – сказал отец, ведя меня вниз по лестнице.

– Неужели у меня есть только два этих варианта? Изучать или одно, или другое, то же, что и члены моей семьи, затем осесть где-нибудь и завести детей?

Он замер на лестничной площадке рядом с аквариумом с тропическими рыбками.

– На что большее ты надеешься?

– Я просто... – Я разочарованно вздохнула. – Просто порой я мечтаю о том, чтобы быть там, далеко. – Я сделала рукой широкий жест, указывая на далекий горизонт.

– Далеко где?

«Где угодно, но не здесь», – это был бы честный ответ. Но сказать такое – значит, ранить его и маму.

– Я считаю, что для меня настало время встать на свои ноги, папа, найти свое место в мире.

Я не ожидала, что он поймет, что я имею в виду, и он не понял.

– Я абсолютно согласен. Теперь ты заговорила более благоразумно. Так что ты предпримешь: провести следующие несколько месяцев, занимаясь подготовкой к своей карьере со мной или с матерью?

– Я все еще не решила.

Это была ложь. Я решила, что не буду заниматься ни тем ни другим.

Какая-то часть моей души соблазнулась работой в «Посейдоне»: я могла бы попробовать привлечь внимание работающих там людей к тому, как промышленное рыболовство наносит ущерб исчезающим видам, попытаться изменить их отношение и методы. Но кто станет меня слушать? Уж точно не мой отец – он никогда не слушает. Кроме того, много ли может сделать один человек? Какова вероятность, что студентка-интерн сможет изменить

общепринятые методы ведения бизнеса?

Следовать по стопам матери было для меня едва ли более привлекательно. Я люблю океан, но я хочу быть там, на воле, активно делая что-то, сражаясь за защиту его экологии, а не просиживать штаны в лаборатории, выискивая мельчайшие отличия между морскими слизнями, асцидиями и морскими огурцами. Буквально все предполагают, что я пойду по стопам матери или отца, но обе эти дороги вызывают у меня сильнейшее ощущение скуки.

- Я подумаю об этом, хорошо? Я сразу же дам тебе знать, как только решу.

- Мы старались дать тебе все, что только могли, но ты всегда была необычным ребенком, Розмари, - он вздохнул.

- Это оттого, что она Рыбы - вечно-то они плывут против течения, - слышался внизу голос моей бабушки.

Сегодня Нана выглядела так, словно наряжалась для роли эксцентричной двоюродной бабушки, даже несмотря на то что прошло более двадцати лет с тех пор, как она в последний раз появлялась на сцене. Она была видением в фиолетовом сатине и экзотических перьях, очень сильно наругана, и густые черные стрелки, подчеркивающие глаза, взлетали вверх драматическими штрихами. Все еще отчаянно лая, Лобстер прыгнула на нее, желая вцепиться зубами в ужасные и слегка поношенные лисьи меха, обернутые вокруг ее шеи.

- Мама, - сказал отец.

Он всегда беспокоился в присутствии Наны. Выглядит это так, словно он живет в постоянном страхе, что она отколет какую-нибудь безумную выходку, - возможно, разденется догола и будет бегать по улицам, - с единственной целью оконфузить своего сына. По правде говоря, я верила, что старая чертовка на это способна.

- Рекс, ты, как обычно, великолепен.

- Лобстер, сидеть! Нана, ты не можешь показаться в этом, - я указала на потертый боа из меха, который оканчивался острой лисьей мордочкой с носом,

черными бусинками глаз и навеки оставшимися торчком ушками.

– А почему нет, юная леди? Если ты можешь надеть это, – она пренебрежительно изогнула бровь, указывая на мои сандалии без каблука, – то я считаю, что ты едва ли обладаешь вкусом, чтобы давать мне советы насчет моды.

– Меха отвратительны; никто их больше не носит. И в них у тебя больной вид. Кроме того, сейчас лето, Нана.

Она только ту же обмотала мех вокруг горла своими бледными руками с проступающими венами, которые утяжеляли огромные кольца – дизайнерские, со сложными кручеными узорами, золотые, инкрустированные ярко сияющими камнями.

– Нанду[15 - Нанду (лат. Rhea) – американский страус.], они тебя старят, – сказала моя мать просто.

Нана тут же сбросила с себя меха и метнула их на ближайшую софу.

– Прочь от меня, вы прокляты, – произнесла она дрожащим голосом.

– Ладно, кто в какой машине едет? – спросила моя мама.

– Со мной едет Нана, и мы захватим Дженну по пути, – сказала Мюриэль.

– И я еду с ними, – сказала я.

Казалось, папа готов спорить, – несомненно, решив, что иначе потеряет возможность и дальше читать мне нотации, – но мама, вероятно, почувствовала, что я уже получила достаточно поучений на сегодня, и вмешалась.

– Хорошо, значит, мы можем ехать прямо в ресторан, Рекс, и проверить, все ли организовано должным образом, до приезда гостей. Увидимся там, девочки.

– Дайте мне минутку довести до совершенства мой образ, *mes petites filles*[16 - *Mes petites filles* – франц. мои девочки.], и мы тут же поедem. Роми, у меня для тебя сюрприз. Гончая, отдай мою лису! – провозгласила Нана не терпящим

возражений тоном и стала бороться с Лобстер за меха.

Глава 10

Житье на суше и на дне морском

Когда мы садились в машину, чтобы поехать за Дженной, Нана настояла на том, чтобы сесть на заднее сиденье вместе со мной. Она заменила лисьи меха на длинное боа из перьев, и теперь мы, сидя в машине, слышали исходящий от белых перьев запах освежителя воздуха.

– Я тут одна сижу, словно водитель такси, – пожаловалась Мюриэль.

– У меня есть вещица, которую я хочу вручить Роми, – сказала Нана, открывая огромную красную сумочку из крокодиловой кожи. – Каждой из вас, когда вы вышли в свет, я подарила подарок, и теперь настал черед Роми.

– Не слышала я, чтобы девушки «выходили в свет» после Викторианской эры, – сказала Мюриэль.

– Вот! – Нана дала мне большую пурпурную бархатную коробочку и сцепила руки в возбуждении.

Внутри, прикрепленные к белому атласу, возлежали красивые сережки. Каждая из них представляла собой крупную жемчужину нежнейшего голубого цвета, которая сидела в изогнутой перламутровой раковине, имевшей форму цветочного лепестка. Они казались белыми лилиями.

– Ох, Нана... спасибо!

– Они антикварные и ужасно ценные, моя дорогая. Это подарок одного лихого югославского аристократа – принца Александра Петровича, который бежал от большевиков. Я была не намного старше тебя, когда он увидел меня в роли «Волшебницы Шалот»^[17] – «Волшебница Шалот» (англ. 'The lady of Shalott') – баллада английского поэта Альфреда Теннисона о неразделенной любви леди

Шалот к рыцарю Ланселоту (основана на легенде из цикла преданий о короле Артуре и рыцарях Круглого стола). Одноименная пьеса действительно существует, но она малоизвестна и шла на подмостках американских театров.] в театре на Вест-Энде[18 - Вест-Энд (англ. West End) – западная часть центрального Лондона, где сосредоточена театральная и концертная жизнь британской столицы.] и попался в сети моих чар. «Восхитительная» – так он меня называл! Он сказал, что эти серьги кажутся тусклыми по сравнению со мною.

Я никогда не была до конца уверена, насколько можно верить историям Наны, однако она чувствовала себя счастливой, когда их рассказывала, а я с удовольствием ее слушала. Теперь, когда все четыре мои сестры зажили собственными домами, воспоминания Наны добавляли разнообразия и пряности в привычные разговоры об университетской политике и квотах на ловлю рыбы, что велись за нашим обеденным столом.

Нана надела на меня серьги и защёлкнула их. Они были очень тугими.

– Вот так! А теперь немного краски, – она ущипнула меня за каждую щеку. – Прекрасно! Теперь ты выглядишь достойно для встречи с принцем. И, если мне дозволено сказать, пожалуй, пришло время начинать его искать. Молодость, к сожалению, проходит.

– Они немного жмут, – сказала я, вынимая серьги из своих слишком нежных мочек и растирая их.

– Ны-ны-ны, – пожурила она меня и быстро надела мне их обратно. – Женщина должна быть готова к тому, чтобы помучиться ради красоты.

– Кто это сказал? Почему это от женщин ждут, что они вообще будут красивыми? – сказала я.

– Дорогое дитя, не будь нудной. Я искренне верю, что по части упрямства ты даже хуже, чем твой отец.

– Кстати о папе: ты уже выбрала, у кого будешь работать на каникулах? – спросила Мюриэль.

– Нет.

– А с профессией определилась?

Я покачала головой.

– Карьера! – сказала Нана пренебрежительно. – Карьера – это для тучных малорослых машинисток с кривыми зубами и прыщами, которые не могут поймать в сети мужчину, не будучи умелыми. – Она передернула плечами в легком отвращении, игнорируя тот факт, что сама построила успешную карьеру и работала всю жизнь.

– Возможно, тебе стоит сбежать из дома с цирком, Роми. – Смеющиеся глаза Мюриэль встретились с моими в зеркале заднего вида.

– Не искушай меня, – пробурчала я.

– Одно время я встречалась с цирковым акробатом. Он мог кувыркаться на высоте подачи в крикете и пить водку, стоя на голове. У него получалось изгибаться в самых необыкновенных позах, когда мы с ним... ах, а вот и Дженна, уже ждет нас. Оделась по сезону, как и всегда. – Нана с глубоким неодобрением окинула взглядом бежевый деловой костюм моей сестры Дженны и ее удобные туфли.

Дженна руководит приютом для сирот и детей, которых бросили родители, в Кейп-Флэтс, бедном районе на задворках Кейптауна. Это бескорыстный благородный труд, и я восхищаюсь ею за сделанный выбор, даже несмотря на то, что не могу понять, как кто-то может выбрать проводить все свои дни за вытиранием сопливых носов и обкаканых поп. Но затем все мои сестры – если не считать Мюриэль – озадачили меня.

Полчаса спустя, когда мы за обе щеки уплетали обед в ресторане, я попыталась объяснить это Зебу:

– Так или иначе, все мои четыре сестры обосновались в пригороде, каждая – в своем доме с небольшим участком земли. Это как, знаешь... они ненадолго вынырнули на поверхность, бросили быстрый взгляд по сторонам и нырнули

обратно обустроить свою жизнь в домике в пригороде. Их образ жизни такой... скучный.

Вместе с парочкой моих школьных друзей мы сидели за отдельным столом так далеко от моих родителей, как только это было возможно: мне пришлось подкупить официанта, чтобы он поменял карточки брони на столиках.

- Пример перед глазами: Марина, - сказала я, указывая на свою старшую сестру побегом спаржи.

Зеб посмотрел туда, где сидела моя сестра со своим мужем и тремя угрюмыми детишками - за столом, что стоял по соседству с родительским. Марина - квалифицированный морской биолог, но она бросила работу, когда у нее родился первенец, и больше туда не возвращалась.

- Ну, не знаю, - сказал Зеб. - Она выглядит довольной. Как и все твои сестры.

- Довольными? Они были когда-то оторвами.

Мои старшие сестры казались мне такими потрясными, когда я была маленькой девочкой. Я наблюдала за тем, как они одеваются и красятся, чтобы пойти потусить в ночной клуб, или тайком вылезают в окно, чтобы отправиться на свидание с парнем, с которым папа запретил встречаться. Я верила, что они способны сделать что угодно, стать кем угодно. Они были так полны жизни и свободны, а теперь, казалось, навеки погрязли в оупляющей работе домохозяйек.

- Я хочу чего-то другого, чего-то большего, - сказала я, отламывая похожий на сталактит нагар со свечи на столе и скармливая его пламени.

- Ты говорила об этом своему папе? - Зеб кивнул в сторону моего отца, который стоял перед микрофоном на сцене и перебирал карточки, на которых была написана его речь.

Я застонала.

Мой отец несколько раз постучал по микрофону, чтобы привлечь всеобщее внимание, и начал:

– Леди и джентльмены, дорогие друзья и родные, мы с Салли рады приветствовать вас здесь, на праздновании окончания школы нашей младшей дочерью. Как говорят, когда закрывается одна дверь, открывается другая, и пришло время Розмари отважиться выйти в широкий мир.

– Он это только говорит, но на самом деле всё не так, – шепнула я Зебу. Мне стеснило грудь. Я просто задыхалась здесь без свежего воздуха.

– ...найти собственный путь в путанице дорог и на перекрестках, на открытых горизонтах жизни...

Держи карман шире. Мое будущее больше похоже на узкий туннель, чем на широкие горизонты.

– ...и мы с её матерью уверены, что она сделает мудрый выбор...

– Перевожу: мы молимся денно и нощно, чтобы она не испугала нас до смерти, решив попробовать какое-то новое или необычное занятие в жизни. – Я скрестила руки на груди и уставилась на голландский соус, что застывал на моей тарелке.

– ...настаивали, чтобы она дала ответ, но Розмари получает наслаждение от сюрпризов, поэтому мы всё еще не знаем, выберет она а) благоразумно защитить диплом в области бизнеса, ведущий к высокооплачиваемой и приносящей удовлетворение карьере в самой впечатляющей из всех корпораций, «Посейдоне», – здесь он сделал паузу, дожидаясь, пока стихнут смех и аплодисменты, – или б) вдохновляющую работу по изучению всех тонкостей океанских дивных чудищ, – раздалось еще больше вежливого смеха.

– Я выбираю с) ничего из вышеперечисленного, – пробурчала я.

– Что бы ты ни выбрала, дорогая, мы желаем тебе всего наилучшего и поздравляем с достойными оценками по итоговым экзаменам, которые, мы уверены, помогут тебе выбрать свой путь. Леди и джентльмены, прошу вас

поднять бокалы и выпить за Розмари.

– За Роми! – отозвались все эхом, кроме моего отца, который сказал: «За Розмари!»

– Речь, речь, речь! – поднялся общий крик, и все повернулись в мою сторону, глядя на меня с ожиданием.

Я поднялась на ноги, но осталась рядом со своим стулом. Ни за какие блага я бы не стала произносить на сцене длинные речи в микрофон.

– Благодарю вас всех за то, что вы пришли, и за ваши добрые пожелания. И спасибо моим родителям за поддержку в течение этих долгих лет моего тюремного заточения в школе. – Зеб фыркнул так, что кока-кола прыснула у него из носа. – Сегодня мой отец порекомендовал мне – опять – такие выгодные занятия, как бизнес и наука, а мать напомнила об удовольствии работать вместе с членами семьи. Мюриэль вообще предположила, что я сбегу из дому вместе с цирком.

– Я же пошутила! – прокричала Мюриэль, давась хохотом.

– Тем временем Нана посоветовала мне найти себе пылкого принца, пока мои волосы не поседели.

– Я говорила совершенно серьезно, – парировала Нана и опрокинула в себя бокал вина.

– Я думаю... то есть я чертовски уверена, по правде говоря, – начала я, и мой отец выпрямился на своем месте, впившись мне в лицо нетерпеливым взглядом, – что я найду свою дорогу, только пройдя по ней самостоятельно. – Отец разочарованно откинулся на спинку своего стула. – Так что выпьем за выносливость ног! – сказала я, поднимая свой бокал с колой.

Все вокруг чокнулись бокалами, а я села на свой стул.

– Коротко и прелестно, – сказал Зеб.

– Совсем как ты.

Он почесал нос своим средним пальцем и подарил мне дьявольский взгляд. Включили музыку, и все по одному стали выходить на танцпол.

– Да забей, Роми, ты как-нибудь разгадаешь, чем хочешь заниматься. А сейчас вообще-то похоже, что твоя бабуля хочет с тобой поговорить. Увидимся позже.

Зеб пихал и тянул оставшихся наших друзей, пока не вытолкнул всех на танцпол, и вскоре они стали неловко танцевать под хиты семидесятых: музыку выбирали мои родители.

Нана, неся два бокала вина, окутанная боа из белых перьев, шла ко мне. Несмотря на то что она нетвердо держалась на ногах, ее взгляд был столь же острым и пронизательным, как и всегда.

– Ну-ка, выпей вина. – Нана уселась на свободный стул, где раньше сидел Зеб, и протянула мне бокал с вином. – Ты слишком молода, чтобы быть такой печальной, а я слишком стара, чтобы тратить время попусту на трезвость. Давай веселиться[19 - В оригинале: Let us be gay (букв. «пусть мы станем геями» или «давай веселиться»), gay в английском имеет несколько значений: 1) гей, «голубой»; 2) веселый, радостный.]!

Я рассмеялась, и мы чокнулись бокалами.

– Нана, ты знаешь, что теперь это означает?

– Знаю, знаю – и оплакиваю потерю изумительного, блестящего слова. Выпей-ка и скажи, что с тобой такое, моя дорогая?

– Ничего особенного. Я имею в виду, – я раздраженно вздохнула, – где-то дети умирают от голода, и чьи-то деревни бомбят, и акулам отрезают их плавники, так что в действительности я в полном порядке. Мне не на что жаловаться. Вероятнее всего, я просто избалованный ребенок. У меня прекрасная жизнь, мои родители не били меня, не заставляли голодать или тяжело работать. Они любят меня, я это знаю, они желают мне только добра. Но...

- Но? - Нана наклонилась ко мне и впиалась в меня напряженным взглядом.

- Но я как будто в ловушке, в клетке... Я хочу прожить свою жизнь, Нана, а не их! Неужели это звучит очень странно?

- А-а.

- То есть ты только взгляни на них, - я указала на Марину, Корделию, Дженну и Мюриэль, которые подсели к моим родителям и болтали с ними. - Я молода... я еще не готова превратиться в старуху вот так сразу.

- Ты чувствуешь беспокойство, - сказала Нана.

- Именно. Это в точности то, что я чувствую.

- Ты жаждешь приключений.

- Да.

- И треволнений.

- Да.

- И веселья, и др-р-рам-мы!

- Ну, не то чтобы совсем уж драмы, но веселья, да. Определенно веселья.

- И любви!

- Что?

- Я нюхом чую романтическую историю в твоём беспокойстве. Большое чувство маячит на твоём горизонте!

- Едва ли, - ответила я немного кисло.

- Но у тебя есть парень на примете, да?

- Ну... - Я погрузила большой палец в расплавленный воск от свечки и стала отшелушивать отпечаток пальца молочного цвета. - Вроде того.

- Вроде того! Что за вялый, трусливый ответ! Ты должна дотянуться и поймать любовь, когда она встретится тебе на пути, милое дитя. Надо схватить ее и держать крепко. Она так редко бывает в жизни!

- Нана, ты пять раз побывала замужем, - заметила я.

- И я не жалею ни об одном своем браке. Я их всех любила. Хотя, возможно, Арнольд потерял некоторую свою привлекательность, когда лишился волос, а Томас - своих денег, но, видишь ли, нельзя же получить все сразу. Суть в том, что все мы нуждаемся в любви. А ты явно получила свой шанс.

- Я сомневаюсь, что он вообще меня помнит: мы с ним встретились всего раз, и он тогда был порядком пьян.

- Ты можешь познакомиться с ним снова.

- Вероятнее всего, мне не удастся подойти к нему настолько близко, чтобы поговорить, - даже когда я произнесла эти слова, мысль о визитке в моем бумажнике вихрем пронеслась у меня в голове.

- Есть очень много способов вести беседу, Роми. У тебя чудесная фигура, красивое лицо и глаза... настолько выразительные! Я уверена, что ты привлекла его внимание. Никогда, - она щелкнула пальцами, когда мимо нас проходил официант, чтобы тот принес еще бокал вина, - не надо недооценивать силу языка тела, моя дорогая.

Я невольно захихикала.

- Ну вот, - улыбнулась она. - Так-то лучше. А теперь поговорим о твоём будущем. - Нана потеряла руки, словно босс-мафиози, замышляющий ограбление ювелирного магазина. - Никто не держит пистолет у твоего виска. Если ты не выберешь ни одну из тех двух дорог, что родители приготовили для тебя, они

будут разочарованы, да, но...

- Это мягко сказано.

- Но еще никто не умер от разочарования, Роми. Или, - она устремила на меня понимающий взор, - от неодобрения. А вот о скуке этого сказать нельзя. Реши, что ты хочешь делать, и делай это.

- А как же папа?

- Предоставь его мне. Рекс поступал так, как ему хочется, слишком долго. Пускай разок его планы будут разрушены, это закаляет характер.

Я оглянулась на членов нашей семьи, которые сидели и мирно болтали между собой. Почему этого для меня недостаточно? Почему я совсем на них не похожа? Я быстро вытерла глаза рукой.

- Роми, Роми, выслушай меня. - Нана положила свои артритные руки на мои и крепко их сжала. - Жизнь проходит так быстро. Чересчур быстро. Убедись в том, что ты хоть немного пожила, прежде чем умрешь. Поверь мне, у тебя будут годы и годы, которые ты станешь проводить со своими воспоминаниями, - и прекрасная идея потратить свою молодость на то, чтобы создать такие моменты, которые стоят воспоминаний.

- Но что, если...

- Если ты проиграешь, то проиграешь. По крайней мере, ты поживешь! Жизнь без риска - это жизнь без страсти и без любви. А жизнь без любви и страсти - это бездушная жизнь.

- Спасибо, Нана. - Я перегнулась через стол, чтобы крепко обнять ее, и поцеловала ее нежную морщинистую нарумяненную щеку.

- Вытри слезы, детка. Дорожки от слез еще не украсили ни одно личико. А теперь послушай мой последний совет на эту тему. Лоуренс Оливье, который был великим актером, хоть и, к сожалению, совсем никудышным любовником, как-то сказал мне: «Если ты можешь мечтать об этом, ты можешь этим стать».

но это всегда казалось мне немного нереалистичным. Я всегда верила: если ты можешь мечтать об этом, ты можешь приступить к исполнению этого. Таков мой совет. Сделай первый шаг.

Я пожала ее руку, схватила телефон и выбежала из удушающей жары шумного ресторана. Снаружи воздух был прохладным и пикантным, насыщенным озоном, запахом океана. Я разблокировала телефон и набрала номер, который выучила наизусть.

- Да?

- Это Роми Морган. На прошлой неделе вы предлагали мне работу. Если ваше предложение еще в силе, я принимаю его.

Глава 11

Встреча с драконами

Я поднялась по короткой лестнице и нерешительно постучала в дверь с табличкой «Гримерная 1А, Силла Свитч – режиссер».

На следующей двери была табличка «Гримерная 1Б, Бритни Вокс». Обе эти комнаты, вместе с несколькими офисами, находились за пределами трех огромных строений, доминировавших среди объектов киностудии.

Занимаемый ею участок представлял собой огромный муравейник, раскинувшийся на равнине неподалеку от международного аэропорта Кейптауна.

Никакого ответа. Я постучала снова, громче.

- Да? – рывкнули изнутри.

– Это Роми Морган, мисс... – мисс, миссис, мадам? – ...мадам Свитч. Вы сказали, что я могу прийти поговорить с вами сегодня?

– Кто?

Дверь распахнулась. Я одним взглядом охватила множество деталей сразу: выбритую белую полосу в черных волосах Силлы Свитч, насколько она выше меня ростом, какая яркая у нее губная помада и больших ящериц, сидевших у нее на плечах. Та, что сидела на левом плече, уставилась на меня глазками-бусинками, широко распахнула пасть, шипы на ее шее встали дыбом, и она зашипела.

– Дерьмо! – Я автоматически сделала шаг назад и, споткнувшись, свалилась на землю. Смущенная, я кое-как поднялась на ноги, отряхивая пыль со своих джинсов.

– Ну, так ты кто?

– Я Роми Морган – пришла к вам насчет работы.

– О, – сказала она, осматривая меня со всех сторон, – это ты. Я тебя едва узнала. Постой-ка, я посажу мою малышку обратно. Она кусается.

Силла исчезла в комнате, и, заглянув туда украдкой, я увидела, как она бережно опускает существо, что казалось доисторической рептилией, в огромный стеклянный террариум с цветным песком на дне и яркой лампочкой сбоку.

– Вот так, мой птенчик, – проворковала Силла, закрыв сверху крышкой террариум, и повернулась ко мне.

Я с беспокойством таращилась на другую ящерицу, что осталась на ее правом плече.

– Расслабься, мужские особи менее опасны. И он милашка, правда? – И Силла пощекотала шею ящерицы, пониже шипов. – Ну, погладь его.

Мне совсем не хотелось прикасаться к этому созданию – я не хотела остаться без пальцев, – но, возможно, это тест. Мне лучше не быть занудой, если я хочу работать у нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

НМСИ (англ. National Sea Rescue Institute of South Africa, NSRI) – Национальный Морской Спасательный Институт, Морская служба спасения.

2

«Row, row, row your boat» – популярная английская детская песенка.

3

Финбош (англ. fynbos) – низкорослый кустарник, произрастающий в ЮАР.

4

Токолоши (англ. Tokoloshe) – в мифологии племени зулу: водяной дух, похожий на карлика.

5

Набережная Виктории и Альфреда (англ. Victoria & Alfred Waterfront) – одна из главных достопримечательностей Кейптауна. Названа в честь принца Альфреда, который начал постройку гавани и набережной в 1860 г., и его матери, королевы Виктории. В 1990-х гг. гавань была полностью отремонтирована, и сейчас это исторический район города со множеством ресторанов, баров, музеев и исторических памятников.

6

Немезида (англ. Nemesis) – в греческой мифологии богиня возмездия.

7

«Зоркий глаз» (англ. Seeing Eye) – широко известная организация для помощи слепым.

8

Игра слов: банни (англ. bunny) здесь означает не только кролика, но и банни-чау – местное блюдо.

9

Это значит, что в заведение может быть не впущен кто угодно без объяснения причин. – Примеч. ред.

10

Jammer, verkeerde nommer (африкаанс) – извините, неправильно набранный номер.

11

Игра слов: кролик (англ. bunny) и блюдо банни-чау (англ. bunny chow).

12

Braai (африкаанс) – барбекю.

13

Декабрь в Африке – самый жаркий летний месяц.

14

Parupeneus Margaritatus (лат., англ. pearly goldfish) – барабуля зубастая, рыба жемчужно-белого цвета.

15

Нанду (лат. *Rhea*) – американский страус.

16

Mes petites filles – франц. мои девочки.

17

«Волшебница Шалот» (англ. 'The lady of Shalott') – баллада английского поэта Альфреда Теннисона о неразделенной любви леди Шалот к рыцарю Ланселоту (основана на легенде из цикла преданий о короле Артуре и рыцарях Круглого стола). Одноименная пьеса действительно существует, но она малоизвестна и шла на подмостках американских театров.

18

Вест-Энд (англ. West End) – западная часть центрального Лондона, где сосредоточена театральная и концертная жизнь британской столицы.

19

В оригинале: Let us be gay (букв. «пусть мы станем геями» или «давай веселиться»), gay в английском имеет несколько значений: 1) гей, «голубой»; 2) веселый, радостный.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/makgregor_dzhoann/tihonya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)